

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ

А. Бальзам

Севастополь и севастопольцы
на рубеже веков

Библиотеки и читальни.

СЕВАСТ. МОРСКАЯ ОФИЦЕРСКАЯ БИБЛИОТЕКА.

Екатерин. 2, собств. здание.

Библиотека существуетъ съ 8-го іюля 1821 г. Книгохранилище имѣеть 90.000 томовъ книгъ. за установленную плату могутъ пользоваться книжнымъ имуществомъ, кромѣ обязательныхъ членовъ, также и граждане города, представившіе рекомендаціи двухъ обязательныхъ членовъ библиотеки.

Выдача книгъ производится ежедневно, за исключеніемъ воскресныхъ и праздничныхъ дней, два раза въ день—до и послѣ обѣда; по Субботамъ же и въ канунъ двенадесятихъ праздниковъ выдача книгъ производится только до обѣда.

Читальныя залы библиотеки открыты ежедневно отъ 8 ч. утра до 10 час. вечера.

Комитетъ директоровъ: предс. с. с. АРИСТОВЪ Вас. Флегонтов., директоры: к. 1 р.: ЛУКИНЪ Веніаминъ Конст. ДЕФАБРЪ Ив. Ив., лейт.: СТОГОВЪ Пет. Евграфов. (онъ же секретарь-казначей), ТУЧКОВЪ Алд. Алд., пдплк. БЕРГЪ Владим. Фердинандов., к. с. ЯВЛОНСКІЙ Евгений Кириллов.; библиотечарь от. с. с. ФРАНКОВСКІЙ Владиславъ Стратонов., помощ. библиотечаря ЯГЕЛЛО Георгій Деонисов.

СЕВАСТ. ОБЩЕСТВЕННАЯ (ГОРОДСКАЯ) БИБЛИОТЕКА.

Б.-Морская, 37.

Открыта съ 5 до 8 ч. веч., по субботамъ съ 5—9 ч. веч., читальня открыта ежедневно съ 11 ч. утра до 9 ч. вечера.

Комитетъ: предс. городск. голова ЕРГОПУЛО Никл. Фед., тов. предс. ГЛАЗЕНАПЪ Ольга Ив., члены: протоіер. БЕНЗИНЪ о. Михаилъ, ФЛЕРОВЪ Леоні. Алд., ФЛЕРОВА Антон. Вас., ЦАНКИ Елена Конст., МИЛАШЕВИЧЪ Конст. Юсиф., БЯЛЫНИЦКІЙ-БИГУЛЯ Осипъ Андр., БЕРЕЗИНЪ Никл. Григор., ВРАНГЕЛЬ Алд. Карлов., баронъ, секретарь БАЛЬЗАМЪ Алд-ра Спирид.

ОБЩЕСТВО СЕВАСТ. БЕЗПЛАТНОЙ НАРОДНОЙ БИБЛИОТЕКИ-ЧИТАЛЬНИ.

Б.-Морская, 37. Открыта съ 11 ч. утра до 9 час. веч., по воскресеньямъ съ 11 ч. утра до 6 час. веч.

Совѣтъ: предс. фонъ-ГЛАЗЕНАПЪ Ольга Ив., члены: БАЛЬЗАМЪ Алд-ра Спирид., ЦАКНИ Елена Конст. ФЛЕРОВА Антон. Вас., БРАУНШТЕЙНЪ Марія Абрам., БРАУНШТЕЙНЪ Бронислава Абрам., ЗЕРНОВА Викт. Петр., ПОТАПОВА Вѣра Ив.

БИБЛИОТЕКА ЧИНОВЪ СЕВАСТ. ПОЧТОВО-ТЕЛЕГРАФНОЙ КОНТОРЫ.

Здание конторы.

Правленіе: предс. к. а. ТЕРГУКАСОВЪ Сер. Артем., члены: г. с. САБЕВЪ Ив. Петр., БИЛИНСКІЙ Конст. Филипп., библиотечарь к. р. СЕРЕДИНЪ Никл. Андр.

СЕВАСТ. ГОРОДСКАЯ БИБЛИОТЕКА-ЧИТАЛЬНЯ.

Помѣщается въ зданіи Алексѣевского 2-хъ кл. женск. прих. училища, Корабельная сторона, Русская ул., д. 72. Открыта съ 5 до 8 ч. вечера ежедневно.

Завѣдующая бібліотекой учит-ца ДАВЫДОВА Марія Трофим.

Клубы и собранія.

СЕВАСТОПОЛЬСКОЕ МОРСКОЕ СОБРАНИЕ.

Екатериинск. 2, тлф. 15.

Комитетъ старшинъ: предс. к.-адм. ПЕТРОВЪ Дм. Дм., старшины: кап. 1 р.: ПИМЕНОВЪ Владим. Гордѣев., АЛЕКСАНДРОВЪ Алд. Ив., ЛЬВОВЪ Никл. Георгіев. ЩИГОЛЕВЪ Мих. Борисов., кап. 2 р.: ЛЯТОШИНСКІЙ Алд. Леонтьев., КЕДРИНЪ Вячеславъ Никаноров., КЛИМОВЪ Фед. Дм., ст. лейт. ЕВДОКИМОВЪ Серг. Владим., Лейт.: ПЫШНОВЪ Борисъ Мих., ТУЧКОВЪ Алд. Алд., старшина-казначей Кап. 1 р. ШУМОВЪ Георгій Пет.,

ОФИЦЕРСКОЕ СОБРАНИЕ СЕВАСТОПОЛЬСКОЙ КРѢПОСТНОЙ АРТИЛЛЕРІИ.

Сѣверная сторона крѣпости.

Хозяинъ Кап. КУНЦЕВИЧЪ Вас. Захарьев.

ОФИЦЕРСКОЕ СОБРАНИЕ 13 АРТИЛЛЕРІЙСКОЙ БРИГАДЫ.

Сѣверная сторона, зданіе инженернаго вѣдомства, № 138.

Хозяинъ прч. МИХАЙЛОВЪ Борисъ Дм.

ОФИЦЕРСКОЕ СОБРАНИЕ 49 ПѢХОТНАГО БРЕСТСКАГО ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ МИХАИЛА МИХАЙЛОВИЧА ПОЛКА.

Корабельная сторона, казармы полка, тлф. 166.

Хозяинъ прч. СИДОРОВЪ Владим. Алс.

ОФИЦЕРСКОЕ СОБРАНИЕ 50 ПѢХ. БѢЛОСТОКСКАГО ПОЛКА.

Гоголевская ул., казармы полка, тлф. 42.

Хозяинъ шт.-фл. КОЗЯКИНЪ Ив. Григор.

СЕВАСТОПОЛЬСКІЙ ЯХТЬ-КЛУБЪ.

Приморск. бульваръ, тлф. 38.

Яхть-клубъ имѣеть предметомъ распространіе охоты къ плаванію на гребныхъ, парусныхъ и паровыхъ судахъ, а равно улучшение ихъ постройки.

Комитетъ: предс. командоръ от. вц.-адм. баронъ НОЛЬКЕНЪ Магнусъ Генрих., начальн. гавани кап. 2 р. МАКАЛИНСКІЙ Алс. Алд., чл. комит.: отст. к.-адм. ПСИОЛЬ Ив. Никл., кап. 2 р. МАКАЛИНСКІЙ Алс. Алд., лейт. ЛЮБИ Конст. Григ.; БИЛЬЧЕНКО Серг. Яковл., МЫШКОВСКІЙ Мих. Семен., ЗАВАДСКІЙ Альбинъ Мих., ФАЛЬЧЕНКО ИВ. Григ., САВСАЙ Фед. Дм. (онъ же казначей и секретарь).

Дорогие друзья!

Легендарный Севастополь по праву называют городом двух оборон. Героические события его истории стали источником вдохновения для творчества многих великих писателей, композиторов и поэтов.

О том времени написано немало военных мемуаров. Гораздо меньше сохранилось подлинных письменных свидетельств, повествующих о мирной жизни города, развитии его культуры, науки и образования.

Тем ценнее для нас записки, оставленные Александрой Бальзам – представительницей славного греческого семейства, обретшего на севастопольской земле вторую родину.

На страницах её воспоминаний – жизнь представителей многонациональной севастопольской интеллигенции того времени: русских, греков, евреев, немцев, караимов... И все они – севастопольцы.

Всех их объединяла любовь к родному городу, стремление созидать, активно участвовать в культурно-просветительной и общественно-политической жизни Севастополя и всей страны.

Надеюсь, что это издание, увидевшее свет благодаря поддержке Правительства Севастополя, послужит делу развития гражданского общества в регионе и будет интересно широкому читателю.

А кого-то, возможно, подвигнет оставить свои собственные заметки и воспоминания о событиях дней сегодняшних.

Губернатор г. Севастополя
Дмитрий Овсянников

А.С. Б а л ь з а м
(1858-1936)

Александра
Бальзам

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ

Издательство «Перо»
Москва
2018

УДК 94(47).082/.083(093.3)
ББК 63.3(2-Спл)
Б21

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Правительства Севастополя

Подготовка текста, вступительная статья О. И. Малиновской
Авторы комментариев О. И. Малиновская, В. В. Крестьянников

Б21 **Бальзам А.С. Мои воспоминания.** – М.: Издательство
«Перо», 2018. – 96 с.: ил.

Данная книга написана уроженкой Севастополя, дочерью морского офицера Александрой Спиридоновной Бальзам, много сделавшей для развития дошкольного образования и библиотечной системы Севастополя. Особый интерес представляют страницы воспоминаний, посвященные греческим корням семейства Бальзам. Проиллюстрированная старинными фотографиями из семейного архива, книга предназначена широкому кругу читателей, интересующейся историей российской интеллигенции, культурными и общественно-политическими процессами в Севастополе в конце XIX – начале XX века.

УДК 94(47).082/.083(093.3)
ББК 63.3(2-Спл)

© Ротгольц А.Л., оригинал текста,
фотографии, 2018
© Малиновская О.И., комментарии, 2018
© Крестьянников В.В., комментарии, 2018

ISBN 978-5-00122-675-8

А.С. Бальзам и её воспоминания

Александра Спиридоновна Бальзам (30.05.1858-1936) родилась и всю свою трудовую жизнь провела в Севастополе. Последние годы жизни, начиная с 1925 г., она провела в Москве и Ленинграде, где и были написаны воспоминания, касающиеся ее профессиональной и общественной деятельности, а также семьи.

На жизнь А.С. Бальзам зарабатывала уроками, ведя две группы учеников человек по 7-8, подготавливая их к средней школе. Все остальное время она посвящала общественной работе, без которой не мыслила свою жизнь. В письме к своей внучатой племяннице Ю.С. Гольцевой от 21 апреля 1927 г. она писала: «...Поверь мне, что только жизнь вне себя дает нечто. Конечно, это нисколько не мешает иметь так называемое личное счастье, но только одно личное счастье так мало дает, так тесно становится людям вертеться в нём...»

Александра Спиридоновна являлась инициатором различных общественных начинаний в Севастополе, основным из которых была организация в 1895 году Бесплатной, а в 1901 – Общественной библиотеки, которыми она заведовала до 1925 года. Это стало делом всей её жизни.

В 1898 г. она организует сбор средств для помощи голодающим Поволжья и сама несколько месяцев работает в Тетюшском уезде Казанской губернии, руководя работой столовых, открытых там на средства севастопольцев, оказывая помощь больным и голодающим.

Семейные воспоминания А.С. Бальзам начинаются с упоминания Евгения Булгариса и его двух писем на греческом языке, передававшихся из поколения в поколение в семье Бальзам. Он был дядей родоначальника российской ветви семейства Бальзам. Письма Булгариса были переданы Ю.С. Гольцевой в Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина, куда позднее, по желанию А.С. Бальзам, поступили и её воспоминания.

Орфография и пунктуация воспоминаний приведены в соответствии с современными правилами. В квадратные скобки заключены недостающие части слов и слова, уточняющие содержание текста. Все даты в тексте до 1918 года приведены по старому стилю. Последовательность разделов соответствует машинописной копии воспоминаний.

Издание подготовлено к печати О.И. Малиновской, авторы комментариев О.И. Малиновская и В.В. Крестьянников.

Выражаем благодарность А.Л. и Л.А. Ротгольцам за предоставленный текст воспоминаний и материалы семейного фотоархива.

Думаю, что, может быть, и те крохи, какие я оставляю, пригодятся будущему историку; они прольют свет на многолетнюю культурную работу в Севастополе и покажут, что, без всяких средств и поддержки (поддерживало только население), испытывая лишь тонения администрации, кружок интеллигентных работников добивался многого и вел свою работу в течение нескольких десятков лет.

А. С. Бальзам, 1927 г.

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ

Воспоминания о жизни семейной я решаюсь писать только по просьбе моей любимой племянницы-внучки Юлии Сергеевны, урожденной Усовой, и делаю это исключительно для нее. Она хочет иметь характеристику многих членов семьи, которых знала лично и любила, а также и остальных, о которых много слышала, будучи еще ребенком. К большому сожалению, полной характеристики я дать не могу о тех, кто умер, когда я была слишком мала. Сама я многое узнала уже от матери и товарищей отца, кое-что со слов отца помню. Не смотря на то, что отец умер, когда была 8-ми лет, но его слова сохранились хорошо в памяти всех нас детей. От него же узнали мы кое-что о его отце, нашем деде, что много потом, после смерти отца повторялось в семье.

О Дмитрие Егоровиче Бальзаме

Дедушка был родом из Греции. Его вывез оттуда дядя, брат матери Архиепископ Евгений Булгарис¹ духовник Екатерины Второй. Во время избиения греков турками, он взял мальчика, привез в Россию и поместил в корпус, откуда дед вышел морским офицером.

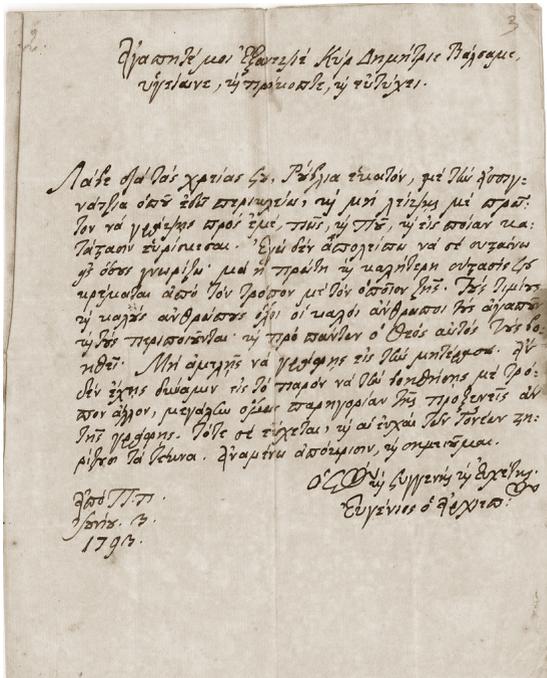
Сохранилось у нас два письма, написанные по-гречески и переведенные уже нами, из которых видно одно от 1793 года, другое от 1795 года. Письма обращены к его воспитаннику-племяннику, нашему деду, тогда уже морскому офицеру².

Интересно указать на одну фразу из письма, характеризующую Евгения: «Я никогда не перестану рекомендовать тебя

Архиепископ Евгений Булгарис

всем, кого знаю, но первая и наилучшая рекомендация находится в зависимости оттого образа жизни, какой ты ведешь, честных и хороших людей любят и уважают все, но больше всех сам Бог им помогает».

Письмо архиепископа Евгения Булгариса
Дмитрию Вальсаму от 3 июня 1793 г.

Можно предположить, фраза эта составлена переводчиком, но мысль, несомненно, взята целиком. Странно, насколько я знаю, и мать не могла объяснить, почему Евгений в письмах называет деда не Бальзам, а «Вальсаме». У нас всегда, насколько помню, упоминалось о трех письмах, а после матери осталось лишь два. Может быть в этом письме и было объяснение этого. Возможно, что именно это письмо отец отдал брату своему Ивану, нашему дяде.

О семьях Папалекси и Бальзам

Женат дедушка был на Папалекси³, тоже гречанке, родившейся в России. Кажется, она была со средствами, т.к. мой отец, Спиридон Дмитриевич и его брат Иван получили небольшое наследство от своего дяди по матери, Папалекси. Это было, когда и отец и дядя были оба женаты.

Кажется, на попечении этого дяди и оставались оба брата, они рано лишились родителей. О дедушке мы мало знали, да и отец не много знал. О дедушке до нас дошло лишь то, что он, будучи адмиралом, пережил в Севастополе бунт. Бунт назывался «бабий» и начался он из-за строжайшего карантина во время чумы. Карантин тянулся долго, и на все это время семьи матросов были отрезаны от мужей. Так объяснялись причины бунта. Если не ошибаюсь, это было в 1818 или 1819 году⁴. Думаю так потому, что отцу тогда бы около 2-х лет. Это были дни, когда толпа ходила, по городу,

врываясь в дома начальствующих лиц, адмиралов и т.д. Многих убивали. Говоря о храбрости деда вообще, указывали такой факт: во время бунта он, совершенно больной сидел на балконе своего дома, когда мимо дома шла толпа громил. Он не ушел с балкона. Толпа остановилась перед домом, но сейчас же несколько голосов закричали, что этого адмирала трогать нельзя и т.д., и толпа прошла мимо.

О семье Папалекси

О бабушке помню рассказы о ее необыкновенной красоте, уме и смелости, при чем приводился один случай, рисующий ее с самой лучшей стороны. В первые годы замужества, когда она имела уже детей, а муж был в море, к ней явилась женщина с мальчиком старше ее детей; она плакала, просила помощи, указывая на мальчика, сказала: «Это сын вашего мужа». Бабушка, взглянув на ребенка, убедилась в справедливости слов женщины – ребенок был копия ее детей. И вот, она велела выкатить из-под кровати бочонок, где в то время хранились деньги, и, отдавая их женщине, сказала: у моих детей есть отец, есть имя, а у твоего пусть будут деньги. Так умно она наказала своего мужа за его старые грехи. Вот все, что знали о стариках со стороны отца.

О братьях Спиридона Дмитриевича

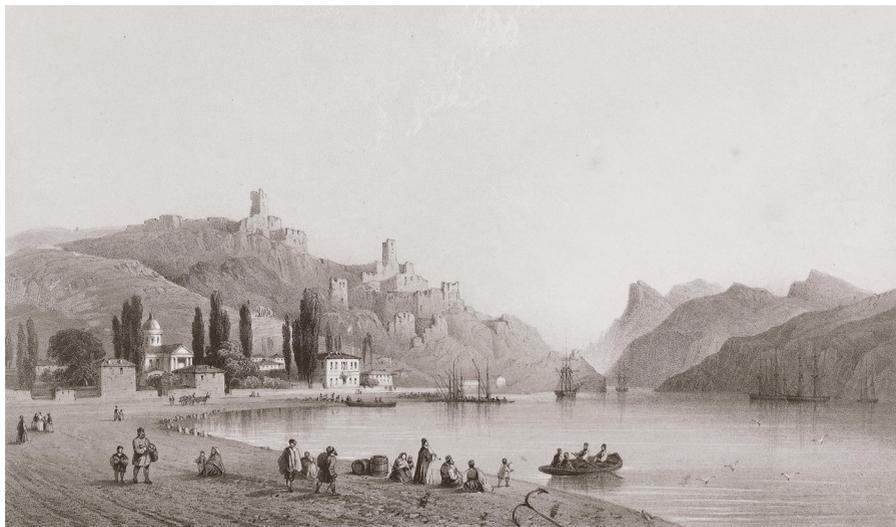
У отца был брат старше его, умерший в Корпусе; были две сестры, из которых мы ни одну уже не застали, был и младший брат Иван. Он умер, много пережив отца, будучи уже адмиралом в отставке. Как и старший брат, оба они были отданы в Корпус. От какой болезни умер их старший брат, мы не знали, но кто-то отцу сказал перед его выпуском в офицеры, что не от болезни умер брат, а его «засекли». В те времена детей секли нещадно. Инспектор, виновник смерти брата, был еще на лицо, он продолжал «воспитывать» детей. На отца это подействовало так, что он считал своим долгом посчитаться с убийцей брата. И вот, с помощью товарищей он спустил инспектора с лестницы, убит он не был, но избит изрядно. Отец заявил, что это делал он один, и за что отца, вместо производства в офицеры, выпустили рядовым солдатом в [лас]товый экипаж и отправили на Кавказ. За отца вступились старые моряки, товарищи деда; они находили такое позорное наказание слишком большим. Скоро на Кавказе вспыхнуло столкновение с кем-то, где отец отличился и получил не то орден, не то крест. Его геройство и хлопоты старых моряков сделали то, что отец был произведен в офицеры и во флот в Севастополь, где и служил. Знаю хоро-

шо, что в формуляре отца было сказано: в таком то году служил на Кавказе, получил такую-то награду – и только.

О семьях Ханджогло и Ревелиоти

Моя мать тоже гречанка⁵. Раннее детство ее семья провела в Балаклаве; отец ее был тоже моряк и редко бывал дома. Бабушка, рожденная Ревелиоти⁶, умерла еще молодой, оставя 9 человек детей. Ее мать и отец Ревелиоти забрали всех детей к себе в деревню, имение на реке Кача, где бабушка заботилась и опекала детей.

Как передавала нам мать, ее отец, наш дед, Ханджогло⁷, был в плохих отношениях со стариком Ревелиоти: очень не хотел отдавать детей. Но должен был согласиться, понимая хорошо, что детям будет лучше у деда, где есть любящая бабушка⁸; у него – никого, да и сам бывал дома гостем.

Боссоли К. Балаклава

О старике Федосее Ревелиоти⁹ мы мало знали. Судя по портрету, оставшемуся у матери, он был очень умен и красив. Слухи о нем ходили неприятные, но насколько они были верны, мать никогда с уверенностью сказать не могла. Говорили, что он, будучи рядовым солдатом, обратил на себя внимание Екатерины и она, чуть ли не на первом смотре, где увидела его, дала ему офицерский чин и сейчас же другой.

Чины шли быстро, имения росли тоже, и скоро он стал богатейшим

помещиком Крыма. Мать всегда говорила, что жилось им у деда хорошо, особенно пока была жива бабушка, а после ее смерти, когда хозяйкой стала жена старшего сына, Петра, жизнь стала много хуже. Дедушка детей любил, особенно мою мать, и баловал ее. Детям давалось все, что в те времена могли дать богатые семьи. Мальчиков в свое время отвозили в корпуса, девочек, как только подрастали, выдавали замуж, конечно не считаясь с их желанием, а требовалось только, чтобы человек был с положением и со средствами. Так были выданы три сестры, а с моей матерью им это не удалось. Мать была человек умный, во всех отношениях хороший и достаточно самостоятельный. Она, будучи подростком, жила у своей замужней сестры, Дергачевой¹⁰, в Севастополе и училась в каком-то пансионе. С этой сестрой у нее всю жизнь отношения были самые лучшие, а мы, дети всегда любили эту тетку. Жилось ей и тут хорошо, хотя одно время отношения пошатнулись, но об этом после.

Надо сказать, что дедушка Ханджогло хотел перед смертью обеспечить мать больше других, считая, что она одна не пристроена. Поэтому она оказалась богатой невестой. Большинство женихов привлекало именно это, а не все хорошие качества матери. Как ни была она тогда молода, но понимала это и указывала своим родственникам, почему вдруг она стала особенно хороша. Как сама она нам рассказывала, она тогда заявила, что так выйти замуж, как сестры, она никогда не выйдет, а если и выйдет, то только по любви. На каком-то вечере она встретилась с отцом нашим и решила что это единственный человек, которого она может полюбить. Он, кажется, позднее обратил внимание на нее, стал бывать в доме тетки, носил ей книги, и они всегда много беседовали, но о любви речи не было. Отец находил, что раз он без средств и больной, то не должен жениться. Родственникам такая близость их очень не нравилась. Особенно эти отношения обострялись, когда являлись подходящие женихи, а она всем отказывала.

Никакие уговоры на неё не действовали. Когда ей говорили, что Бальзам все равно не женится, и она останется старой девой, а это позорно, она отвечала: «Если выйду, то только за него, а если он умрет, как ей предсказывали, то останусь старой девой, возьму девочку-сиротку и буду жить с нею и для нее, тем более, что средства у меня есть». Наконец, сказал свое слово отец, и они решили венчаться. Мать отстаивала себя стойко. В семье началось большое волнение, вот в это время отношения у матери с сестрой натянулись, но это было временно. Впоследствии тетка относилась пре-красно к отцу, да и он ее любил и очень уважал.

В это же время была вызвана в помощь старшая сестра из своего имения. Матери все старались доказать, что если все сестры выходили замуж

так, то почему она исключение и т. д. Но что могли все они сделать? Де-душка, отец матери тогда уже не был в живых, а дед Ревелиоти, несмотря на свой крутой нрав, с любимой внучкой спорить не стал, тем более что он видел раз отца и сразу выделил его среди всех окружающих мать. Он говорил, что Спиридон Дмитриевич человек умный, дельный, и из него выйдет хороший семьянин. Словом, мать себя отстояла и они поженились. Жили счастливо, хорошо и очень дружно ровно 18 лет.

Про Спиридона Дмитриевича Бальзама

Об отце хочу сказать многое, т.е. все то, что знала сама, что слышала о нем от многих после и какое мы, дети, вынесли о нем представление. Это был человек умный, глубоко честный, добрый и бескорыстный. В нем была большая прямолинейность, а если прибавить, что он был очень горяч и всегда говорил людям в глаза правду, то понятно, что кроме громадного количества друзей у него были и враги, главным образом среди начальствующих лиц. В нем было что-то особенно чистое, что привлекало к нему не только его семейных, но и всех окружающих. Он был, любим товарищами и подчиненными, а с начальством ладить не умел и никогда не «делал карьеры»¹¹.

*Портрет Спиридона Дмитриевича
Бальзама, написанный в 1850 г.
Фото 1890 г.*

Помню рассказ матери о том, как один из власть имущих мстил ему как мог. Не имея данных для преследования его по закону, он допекал его переводами из Севастополя в Николаев и обратно, часто даже переводы являлись повышением, но для человека больного и с большой семьей они были губительны.

Скоро после Крымской кампании отца перевели в Николаев на должность начальника Комиссариатской части. Это считалось повышением, но в то же время дело тяжелое, очень ответственное и неприятное.

Отец считался исключительно человеком честным, не допускающим никаких компромиссов, а потому якобы он назначен на такое дело. Пробыв

несколько лет в это должности, он окончательно потерял здоровье и, вернувшись в Севастополь, скоро умер. Как говорила мать, это место приносило отцу лишь огорчения и постоянную тревогу. Была, например, принята мука, оказавшаяся негодной благодаря недосмотру, а вернее подsunутой взятке приемщикам. Увидя это, отец решил муку выбросить и платить за недосмотр всей комиссии, причем на отца, как главное лицо комиссии, пришлось наибольшая часть денег. Все подняли вой, но подчиниться были должны. Борьба с взяточничеством была слишком тяжела и непосильна, но все же отец добивался своего. Приходилось служащих не только бить по карманам, но и увольнять со службы. Все это давалось нелегко. Бывали попытки подкупить отца, но получив не раз жестокое наказание, попытки такие окончательно прекратились.

Однажды, перед праздником, к отцу явился один из поставщиков с пакетом, «предпраздничным подарочком», но не успел он опомниться, как был выброшен за дверь вместе с «подарочком». Второй случай, как рассказывала мать, таков: как-то перед Рождеством въехал во двор большой воз с бакалеей. Прислуга сказала матери, что барин заказал к празднику все сам, прислал и скоро приедет домой. Так сказали прислуге люди, сопровождавшие воз. Мать вышла и была поражена количеством всего привезенного. У отца на такую покупку и денег не могло быть, да и никогда он сам нечего не покупал, а когда один из сопровождающих воз внес большой, красивый ящик и, ставя его перед матерью, сказал: «Это деточкам к празднику», мать, как будто что осенило, и она поняла все.

Прежде всего, она потребовала немедленно вынести все вон, а то придет скоро муж и будет всем плохо. Она так решительно отдала это приказание, что не только свои люди, но и сопровождающие воз, спешили все вытаскивать и убираться со двора. Скрыть от отца, чтобы не волновать его лишний раз, она не могла, но не на кого было обрушиться, не кого выставлять за дверь. Все такие попытки имели место лишь в первое время службы отца, а когда поняли, с кем имеют дело, то ему лично никогда уже и не пытались дать взятку. Возможно, что старались делать свое дело через маленьких служащих, но и те стали осторожнее, приплативши раз за негодную муку. Повторяю, что такая непокойная и тяжелая служба, несомненно, сократила жизнь отца на несколько лет.

Как общественный деятель он был всегда впереди многих других. Все общественные вопросы его глубоко интересовали он, входя в них горячо, часто брался за такие дела, за которые начальство по голове не гладило.

Сохранилась у нас старая фотографическая группа из нескольких человек. По словам матери, эти несколько лиц, считая какое-то постановле-

ние начальства не законным, подали об этом свое заявление, начальство принуждено было отступить. В этой группе отец, среди своих товарищей держит в руках какую-то бумагу.

Семьянин он был очень любящий и заботливый, но, не смотря на это, на первом месте стояла служба, потом семья, что редко бывало в те времена. По поводу такого его отношения к службе (так же к службе относился и другой брат отца, Иван) было сказано всенародно много лет спустя и вот по какому случаю.

Дядя Иван Дмитриевич умер через 25 после отца¹². Случилось, в день

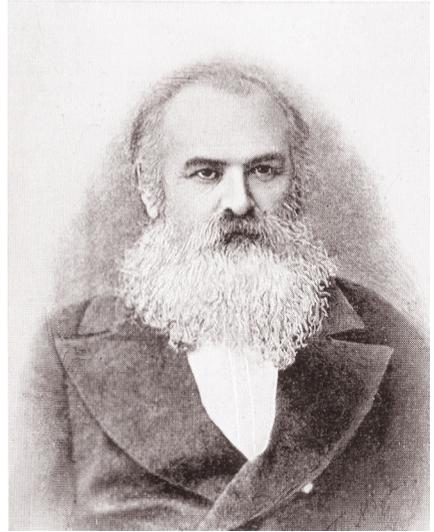

С.Д. Бальзам (в центре) с сослуживцами. Около 1860 г.

его смерти в Севастополе был проездом священник, большой друг и моего отца, и дяди. Он служил священником несколько лет на Каче, когда наши и сошлись с ним близко. Это был на редкость хороший человек и большое исключение среди духовенства. Священника Чапурина уважало и любило все население, а наши старики стали его друзьями. Через несколько лет его куда-то перевели.

И вот спустя много лет, когда ему случилось быть в Севастополе проездом от парохода до поезда, он захотел быть и у дяди в семье, и у нас. Сойдя с парохода, он услышал разговор о смерти Ивана Дмитриевича Бальзама.

Он сейчас же поехал в семью дяди и сказал, что остается на два дня и завтра сам похоронит дядю. И вот, в соборе, при громадном скоплении народа, сказал слово. Говорил он, конечно, все то, что в таких случаях говорят но, коснувшись его, как моряка, сказал, что умерший Иван Дмитриевич и его брат Спиридон Дмитриевич были не те моряки, каких мы знаем теперь. Эти два человека были особой чести и отношения к службе. Подробности я не помню, но знаю, что, словом своим он задел многих. Похоронив дядю, Чапурин скоро уехал, а на другой день к нам явился полицейский чин с вопросом, куда уехал священник, хоронивший адмирала Бальзама и как его фамилия. Само собою, разумеется, что куда он уехал «мы не знали».

Иван Дмитриевич Бальзам

Отец главным образом старался дать нам нравственное воспитание, и это давалось совершенно просто, не стараясь вбить в детские головы то или иное. Он просто находил полезным для детей слышать и знать что хорошо и что дурно. Те факты, какие он считал безнравственными как в мире служебном, так и в бытовой жизни, он порицал громко, резко и все это при детях. Например, подобный случай. Шел разговор, очевидно, как[о]й-то знатной семье, где родители не согласились на брак дочери с человеком, стоящим, по их мнению, ниже их семьи. Ясно помню слова отца: «Если моя дочь выберет и полюбит человека честного, умного и доброго, то больше мне ничего не надо. Пусть он будет хоть с лопатой, я его приму и посажу рядом с собой».

Честь он считал выше всех человеческих качеств. Вспоминается, как я совсем маленькая, задумалась над вопросом: зачем с лопатой? Почему именно с лопатой? Как это кто-то с лопатой прейдет и сядет между нами. Было и непонятно и смешно, совершенно не помню, чтобы нам разъясняли непонятное, но как-то само собой делалось, что все сказанное отцом, оставалось в памяти и со временем становилось ясным.

Затем еще случай в семье, когда жестоко была наказана старшая сестра Фани, девочка лет 7-ми. Брату Евгению было 3 года, сестра Пелагея Спиридоновна была в пеленках, а меня и следующих еще не было на свете (1857 г.). Все мы знали о случае с Фани и запомнили все хорошо.

Было это перед концом крепостного права. Отец и мать отпустили многих сами, остались лишь те, которые не желали уходить. Помню Сидора и Маланью – муж и жена. Она была няней Пелагеи. Они жили у нас долго и поумирали у нас уже за мою память. Долго жила и одна старуха с внуком и тоже умерла у нас. Внук был почти взрослый и исполнял роль лакея. Старшие наши, особенно Фани, любила Васю и часто играла с ним, но как-то не ладили и она его ударила. Она была девочка вспыльчивая

и несдержанная. Отца не было дома, а мать ее наказала. Все наказания состояли в том, что провинившиеся должен был известное время просидеть на стуле. Когда отец вернулся и узнал что, произошло, то он нашел наказание такое не достаточным. Позвал Фани и услышав от нее сам что она ударила действительно, повел ее в людскую, где кроме своих служащих, всегда было много приходящих людей к отцу, которые его ждали. Позвали и Васю. На вопрос ударила ли его Фаничка, он стал выгораживать ее и даже отрицать удар, полученный им. Но на требование отца говорить правду, ответил, наконец: «да». И тут Фани должна была всенародно попросить у Васи прощения и поцеловать

*Феодосия (Фани) Бальзам с матерью.
1867 г.*

ему руку. Такое наказание осталось навсегда в памяти не только у Фани, но и у всех нас, не выдавших этого.

Помню позднее, когда подходило время начать готовить, куда-то старшего брата, и в доме, я думаю, по этому случаю часто говорилось о школах, а также о том, что в школах детей бьют и т.д., отец говорил: «Если моего сына учитель ударит, и он в ответ на это не пробьет ему голову доской, я такого сына не буду считать своим и не пушу в дом».

Взгляд отца на оскорбление вообще был совершенно правильный, а именно: никогда никого не оскорбляй, но не позволяй оскорблять тебя.

Сам он нас никогда не наказывал. Случай с Фаней был единственный, насколько я помню. В случае, кто провинится, то он, как говорится, отчитывал виновного. Так помню случай с братом Евгением. Вбегая в комнату, он сильно хлопнул дверью, а кто-то был в это время болен. За это отец его и «отчитал». Говорил он насколько бесчеловечно и скверно не жалеть больного человека, не беречь его и т.д. Все это говорилось всегда не просто, а с большим чувством, почему и чувствовалось всеми детьми, не только провинившимися. Все свободное время от службы отец проводил в семье. В гости он почти никогда не ходил, а принимать у себя любил. Мать тоже была домоседкой, хотя общество людей близких ей было необходимо так же, как и отцу. Поэтому гости у нас не переводились, и не только по вечерам, но к обеду ежедневно собиралось несколько человек; так было и в Николаеве, и в Севастополе. Ни карт, ни вина отец не переносил. Он говорил, что свободное время человек должен употреблять на отдых, чтение и беседу с людьми близкими. Хлебосолы отец и мать были большие; угощать людей любили, на что тратилось не мало.

Семья росла, росли и расходы. Вообще тратилось на жизнь много больше ежемесячной получки. Поэтому явились долги, которые, конечно, не уменьшались, а росли¹³. Все, что имели наши родители, дохода давать не могло, т.к. сам отец из-за службы хозяйничать не мог, и когда проживал в Николаеве, то и приглядывать не имел возможности. Благодаря полному недосмотру, все приходило в упадок и, в конце концов, ушло за долги. Когда мы подросли, оставался сад на реке Кача, но скоро пришлось продать и его.

Никто из нас детей никогда не роптал за это на родителей, т.к. видели, что мать и отец на себя лично тратили слишком мало, а если любили угощать, то это еще грех не большой. Мы выросли в том сознании, что иначе и жить нельзя, как кормить людей у себя, а бедноте посылать кульки и корзины. Перед праздниками это делалось обязательно. Та масса народа, какая посещала нас ежедневно, когда отец заболел, и обстоятельства вообще

изменились, поредела сильно. Остались уже настоящие друзья. И их было достаточно, благодаря чему легче было жить (Это говорю со слов матери).

Приехав в Севастополь уже в последний раз, и имея двух детей, которых надо было учить серьезно, пришлось задуматься, как с этим быть. В закрытое учебное заведение, нас не хотели отдавать, а гимназии тогда в Севастополе не было. Не было и учителей, которых можно было бы пригласить заниматься частно. Отец решил написать в Петербург своим знакомым и просить их направить в Севастополь нескольких образованных и разви-

Ф.С. Бальзам с детьми на могиле мужа на севастопольском городском кладбище. 1868 г. Памятник сохранился

тых людей для занятий детьми и подростками. На себя он брал оказать им помощь в устройстве с квартирой и найти уроки, кроме своих детей. Скоро приехали, кажется, трое, но я хорошо знала и сейчас помню двух, из которых Николай Ильич Емельянов¹⁴, сыгравший большую роль в нашей семье, а другой Зотов. Николай Ильич был слишком молод, кажется 19 лет. Отец его как-то сразу выделил и полюбил; он устроил его в соседнем доме с нами. Ему был сдан брат Евгений, а для Фани он нашел более подходящим Зотова. Скоро приехали три учительницы: из них я хорошо знала двух, третья мало осталась в моей памяти.

Анна Захаровна Панютина, в будущем Зотова¹⁵, и Евгения Петровна Окунькова сразу стали друзьями нашего дома. Они хотели открыть в Севастополе Реальную школу для начинающих девочек и мальчиков. Отец помогал им в этом. Четвертым в школе был Николай Ильич. Школа была открыта на имя Панютиной. Сестра и я сейчас же поступили в эту школу. В день открытия были первыми мы две и двое детей дяди Иван Дмитриевича, потом школа была переполнена. Находили тогда, что поставлена школа была очень хорошо, никакой казённости, никаких наказаний.

Ф.С. Бальзам с детьми и внуками. 1890-е гг.

Все три учительницы и Николай Ильич детей любили и умели привлечь их к себе. Словом, нам было очень хорошо в этой школе, и мы ее любили.

Учительницы бывали у нас часто. И к отцу и матери они относились очень хорошо и любили беседовать с ним. Я не говорю уже о Емельянове, у которого на руках и умер отец.

Феодосия Спиридоновна Бальзам

Мать прожила до 86 лет. Несмотря на все те удары, какие ей пришлось пережить, она сохранила способность отзываться на чужое горе. Всю жизнь после отца она была центром, связывающим громадную семью. Временами, когда съезжались внуки и правнуки, соединялось четыре поколения: мать, я и сестра Пелагея Спиридоновна, внуки с их мужьями и женами и правнуки, все имели своих знакомых и друзей, но в то же время далеко не все были одинаковых убеждений, и были даже совершенно противоположных. Это не мешало временами быть около «бабуси», так ее называли не только внуки и правнуки, а даже ее дети, а зачастую и гости наши¹⁶.

У нее осталась до старости любовь к людям, энергия и желание помочь каждому, кому надо и в чем возможно. Как севастопольская старожилка, она имела связи или старые знакомства, к которым и обращалась с просьбой для других. К ней часто обращались с различными просьбами, и она всегда шла куда надо: и в Городскую Управу, и в Градоначальство, и в другие места. Один из внуков назвал ее: Бесплатный ходатай по чужим делам.

Внуков она очень любила и много с ними возилась, оставляя зачастую своих не совсем взрослых детей, но никто из детей не только не роптал, а находил, что иначе нельзя; сами мы всегда любили своих племянников, с которыми у нас навсегда сохранились самые лучшие отношения.

На правнуков бабуси уже не хватило. Мешал и возраст, и то, что правнуки жили не в Севастополе, а бывали проездом.

Как внуки, так и правнуки очень любили и заботились о бабусе, насколько возможно, живя врозь. Словом, оплатили ей за все.

Пережить же ей бедной, пришлось немало; она имела восемь человек детей, из которых двое умерли в младенческом возрасте. Затем потеря такого мужа-друга, каким был отец, были тяжелыми ударами для нее. Но около нее остались 6 человек детей и все выросли. И тут уже она потеряла четырех взрослых людей, причем двое погибли совсем молодыми: брат Евгений 22 лет ушел волонтером в Сербию в 1876 г., где и сложил свою голову, Константин 23-х лет утонул¹⁷.

Он служил в Русском обществе парокходства, был старшим офицером на судне «Веста». В одну из осенних бурь на Черном море «Веста» столкнулась со своим же судном «Синус», который на полном ходу дал ей такой удар в бок, что она моментально пошла ко дну. И ни один человек спасен не был [в 1887] году.

Эти две совершенно неожиданные гибели двух взрослых детей подкосили ее сильно, но поджидали еще две: умерла от туберкулеза старшая (моя) сестра¹⁸, оставя шесть человек детей, а скоро за ней Владимир умер тоже от туберкулеза¹⁹. На ее счастье она не дожила еще до смерти сестры П.С. Бальзам²⁰, умершей через год после ее смерти. Она умерла в 1913 г.

На этом я могу закончить, так

*Константин Спиридонович
Бальзам*

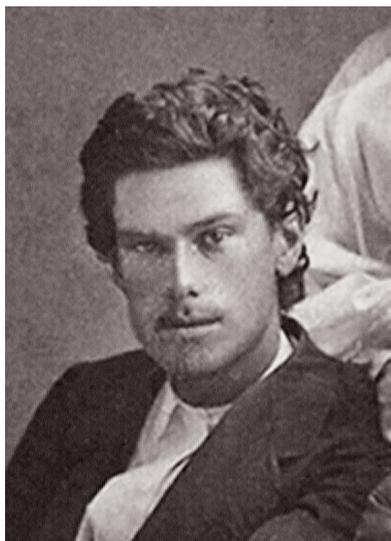

*Владимир Спиридонович
Бальзам*

М. Спиридоновна СЕВАСТОПОЛЬ

Пелагея Спиридоновна Бальзам

Евгений Спиридонович Бальзам

как Юлия Сергеевна, для которой пишу эти строки, сама знала хорошо всех членов 3-го поколения, а из 2-го, т.е. нас, трое были люди семьи, не участвуя в делах общественных. Все они были, конечно, заражены хорошим отцовским духом, но дальше не шли.

Остается П.С. и брат Евгений. О Пелагее Спиридоновне можно сказать много, но ее биография уже написана. Она составлялась в 1915 г. и по условиям того времени, она не могла быть полной: пришлось умолчать о гонениях, какие она перенесла за время своей общественной работы. Я дополнила все выпущенное, и все сказанное в биографии и мое дополнение дает почти полную картину о ней. Кроме того, Ю.С. помнит её сама хорошо, но все же много могла не знать, т.к. она была не взрослым, а подростком.

Остается, значит, Евгений; о нем можно и даже должно сказать кое-что. Говорю «кое-что» потому что умер он слишком молодым и не успел прожить многого. Евгений, как в семье его звали, Генчик, унаследовал от отца все хорошее. Он был действительно чудный человек. Выдающейся чертой его характера, как говорила мать, проглядывавшей с детства, было всегда защитить обиженного, слабого. Обладая железной волей, он был мягок и добр. В семье Генчик был божком, и его слово для нас, младших было законом, хотя с нами он держал себя на равной ноге.

Учился он в симферопольской гимназии и всегда учился прекрасно. На каникулярное время приезжал в Сева-

стополь, где его ждали все с большим нетерпением. Окончив гимназию, сейчас же уехал в Киев и поступил на математический факультет, но со второго курса или третьего, не помню, университет оставил.

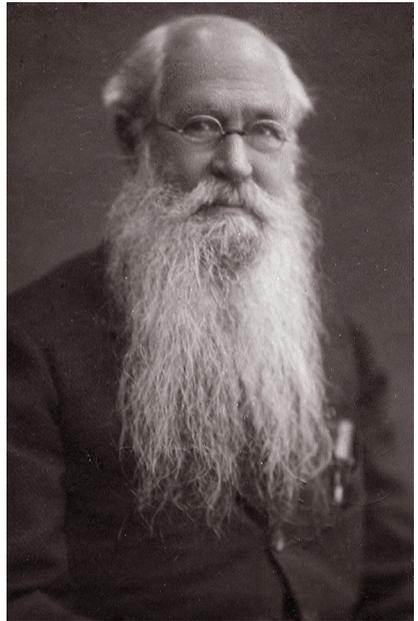
Помню его слова по поводу решения оставить Университет: «Довольно тратить время и деньги на себя лично, надо поработать и на других». Матери он сказал, что ни копейки больше из дома он брать не будет. Вот эта «работа на других» у него началась в Николаеве, потом в Одессе. На жизнь он зарабатывал уроками. Он и раньше, будучи гимназистом и студентом имел уроки, но мать все же иногда посылала, что было возможно. Время совпало с войной на Балканах, и очень скоро семья получила известие об его уходе волонтером в Сербию, где он и погиб. Для меня вполне понятно, что все старания товарищей брата в Одессе удержать его от такого шага остались безуспешными. Раз он решил что-либо, то уже никакие уговоры не могли изменить его решение.

О попытках товарищей удержать брата, говорю со слов одного из принимавших участие в этом; приведу дальше слова этого товарища, которые были напечатаны.

В одно из наступлений турок, Евгений был тяжело ранен, два товарища, а именно Дуванкевич и Волошенко несли его, но скоро был легко ранен и Дуванкевич; сам он мог идти, но уже нести кого-либо он не мог, тем более что они ведь убегали, а не шли обыкновенным шагом. Евгений прекрасно понимал, что они вдвоем, убегая, не могли нести его, и просил оставить его, дав ему револьвер. Те не сдавались, а когда остался один Волошенко, то он настоял на своем и В. его оставил.

Смог ли он, лучше сказать, успел ли он сам покончить с собой или его прикончили турки, осталось навсегда тяжелой загадкой для семьи.

В 1925 году, когда я приехала в Москву, Василий Львович Перовский²¹ брат Софьи Перовской, сказал мне, что Дейч²² пишет свои воспоминания, и, говоря о войне на Балканах упоминает о Геньчике. Он дал Перовскому

В.Л. Перовский

свой черновик и просил, чтобы я сделала поправки, если это окажется нужным.

Исправлять пришлось немного. Он пишет, что Геньчик был сын помещика Таврической губернии, единственный сын в семье, и что, окончив Гимназию, и минуя Университет, ушел в Сербию. Всё это я исправила, а потом, читая уже напечатанное, увидела, что последней ошибки он не исправил, т. е. «минуя университет» осталось. Это, конечно не важно, хотя все же человека рисует, указывая на то, что далеко до Сербии, он сознательно решил оставить учение для «другого дела».

Статья Дейча напечатана была в Сборнике «Группы Освобождения Труда» в 1926 г. в 4-й книжке. Вот эта статья:

«Он родился в Севастополе, был сыном морского офицера; окончивши гимназию, он решил, минуя университет, отправиться волонтером на Балканский полуостров. В это время меня кто-то познакомил с ним. Звали его Евгением Бальзамом, и все в нем гармонировало с этим именем. Чрезвычайно красивый по внешности, просто и вместе с тем изящно одетый, он сразу привлекал к себе каждого симпатичными чертами лица и характера: что-то особенно нежное, обаятельное, скорее напоминавшее миловидную девушку, чем юношу, было во всем облике этого 19 – 20-тилетнего молодого человека.

Будучи почти ровесниками, – я немного старше, – мы очень скоро сошлись с ним. Зная уже из вышеупомянутых рассказов вернувшихся обратно добровольцев об ожидавших таких вояк тяжелых физических и моральных страданиях, я настойчиво убеждал моего нового приятеля отказаться от своего намерения, но, несмотря на все доводы мои и других одесских товарищей, он остался непреклонным. В ответ на мое заявление, что едва ли ему будет приятно оказаться бременем для боснийских или герцеговинских воинов, которые, вместо помощи от него, должны будут таскать на своих спинах, славный юноша, помню, возбужденно воскликнул: «Нет, я не допущу до этого, – я покончу с собою».

Перед отъездом он вручил мне свой аттестат зрелости с тем, чтобы я воспользовался им лишь после получения известия о его гибели. Не долго пришлось ждать этого. Погиб он при следующих обстоятельствах: в одном из боев он был ранен, и при отступлении партизанам пришлось нести его на плечах. В это время прошел слух, будто турки недалеко. Тогда самоотверженный юноша настоял на том, чтобы отряд спасался, оставив его. Вскоре выяснилось, что тревога была ложная, но, не смотря на тщательные поиски, партизаны не могли найти место, где оставили раненого. Таким образом он выполнил свое обещание не быть в тягость тем, кому он хотел помочь.

Легко представить себе, каким горем была смерть этого в физическом и духовном отношении красивом юноши для семьи.

Я унаследовал от него вместе с аттестатом и его имя, ставшим моим революционным псевдонимом»²³.

Хочу сказать еще кое-что о Евгении и о влиянии на него Николая Ильича Емельянова.

Когда в нашу семью попал Емельянов, Генчик был именно в том возрасте лет 11-ти, когда легче всего молодому, умному и симпатичному человеку забрать целиком в руки такого мальчика, каким был Генчик. Он любил Н.И., сильно привязался к нему и, конечно, легко поддавался тому направлению, какое давал ему Николай Ильич, будучи народовольцем. Евгений, приобретя все лучшие отцовские качества, естественно с возрастом пошел по дороге своего учителя. Но необходимо добавить что Генчик, обладая железной волей, чего не было у Николая Ильича, очень скоро превзошел своего учителя.

Помню, когда Генчик так печально кончил свою жизнь и бедная мать, ища виновного в такой страшной беде, не раз говорила: «Это несчастье дело рук Емельянова; он потянул Генчика в Сербию» и т. д., мы с сестрой всегда повторяли, что напрасно она обвиняет Ник. Ил., т. к. если повел один другого, то вернее было обратное – Генчик повел Николая Ильича. Мы обе, любя сильно Емельянова, несмотря на юный возраст свой, хорошо разбирались в нем. И теперь, вспоминая Генчика и Емельянова, я с уверенностью могу сказать, что Генчик был неизмеримо выше Емельянова. Не уйди он в Сербию, его судьба, несомненно, кончилась бы так, как кончали в России многие наши лучшие люди.

Надо указать на одну интересную подробность относительно аттестата брата. Уходя в Болгарию, он сообщил домой свой адрес, причем сказал, что все свои бумаги утерял, а потому приходится ему ехать под чужой фамилией, – не то Ивановский, не то Иваненко, не помню. Прошло много времени; много мы узнали от вернувшегося из Сербии Емельянова о печальном конце брата, и прекрасно понимали, что хотя Генчик был оставлен на поле битвы живым, но остаться живым он никоим образом не мог. И вдруг, не помню уже кто именно, но кто то из власть имущих, обратился к Д.М. Ротгольцу²⁴ – мужу старшей сестры, где брат его жены, Евгений Бальзам? Ротгольц сообщил, что знали мы о гибели брата.

Ответили ему, что это не верно, а им известно, что в настоящий момент Бальзам арестован и сидит в такой-то тюрьме. Несчастливая мать и за такую ниточку ухватилась с радостью. Мы же обе, хотя и были моложе брата, но знали его прекрасно, и хорошо понимали и не допускали мысли даже, что

Д.М. Ротгольц. 1862 г.

если бы он остался живым и скрывался бы от нас.

Если бы он вернулся живым и решил идти тем путем, каким шел, оставя Университет, то и сказал бы нам правду. Не играя в прятки, он сказал бы, куда и зачем идет. Написал же он слишком прозрачно, что оставляет Университет и «будет работать на других». Поэтому надо верить его словам, что бумаги утеряны, и радоваться, что их нашел именно такой человек, а не иной (Ротгольцу было сказано, в чем обвиняется арестованные под именем Бальзам). Найди их другой человек, то мог бы делать всякие нечистый дела под фамилией брата.

Правду о бумагах я узнала со слов самого Дейча, когда из всей семьи осталась в живых одна я. Было это в начале 1925 года, то есть спустя чуть ли не пол столетия.

Москва, 1925 г.

На этом обрываются воспоминания А.С. Бальзам о семье.

1925 г. Августа 23-го.
Москва

Началом моей работы была педагогическая деятельность. Ребят я любила, и занятия с ними для меня всегда большим удовольствием.

Позднее увлеклась делом библиотечным и в него ушла с головой, не оставляя работы с детьми. Когда бы была возможность оба эти дела совмещать, то сама я никогда не бросила как одного, так и другого. Кроме такого отношения моего к делу, занятия с детьми давали мне и средства к жизни, а дело общественное много лет шло бесплатно.

Однако, в конце 1920 г., с приходом Советской власти, совмещение стало невозможно. Общественная библиотека, где я в то время была заведующей, должна была работать в две смены и была открыта с утра до вечера. Я же, как заведующая, не считала возможным оставить библиотеку надолго, и пользовалась лишь только временем на обед. Значит, занятия с ребятами пришлось мне прекратить.

В начале 1895 г. я была в числе той небольшой группы лиц, которая задумала открыть в Севастополе Бесплатную народную библиотеку²⁵. Причина, заставившая взяться за это дело, следующая. На весь город имелась единственная Морская библиотека, хотя и очень обширная и имеющая массу ценных и дорогих книг, но по своему уставу обслуживала исключительно только офицеров. Поэтому попасть в нее человеку постороннему было слишком трудно. Требовалось ручательство двух членов – морских офицеров и т.д. Значит, пользоваться ею могли лишь единицы; для массы

*Александра Спиридоновна Бальзам.
Фото 1885 г.*

же, а тем более для солдат и матросов, она была совершенно недоступна.

Город маленький, исключительно военный, работы культурной почти никакой не было, если не считать воскресной школы. Вот в такое-то глухое время и явилась мысль в нашем кружке дать хоть небольшую духовную пищу населению города. Хорошо понимая, что сильно урезанный каталог книг, разрешенных для Бесплатных народных библиотек, многого не даст, но, тем не менее, приходилось мириться с этим.

Даже и такое маленькое дело осуществилось бы не скоро ввиду полного отсутствия денег, если бы мысль наша не встретила большого сочувствия в культурной части населения города, которая живо откликнулась на такое начинание. Надо заметить, что за много лет моей общественной деятельности всегда приходилось встречать такое сочувствие и широкую помощь населения, о чем еще не раз придется мне упомянуть.

В данном случае помощь выразилась в следующем: кто нес книги, кто даровой труд, кто деньги, а многие входили в число членов библиотечного Общества, внося шесть рублей в год и принимая участие лишь в общих собраниях. Всего членов в первый год было 142 человека. Работа закипела и 15 октября 1895 г. Бесплатная народная библиотека была открыта.

С первых же дней можно было убедиться, какая громадная нужда в книжке была среди населения. Несмотря на те крохи, какие давал каталог разрешенных книг, желающих читать явилось намного больше, чем можно было ожидать. Полки быстро пустели, и квартира не вмещала всех желающих взять книгу и прочесть газету. Спешно закупали имеющиеся в городе книги, чтобы не остаться с пустыми полками. Желая хоть как-нибудь расширить доступ книг в библиотеку, пытались ходатайствовать о разрешении хотя бы некоторых книг, но, конечно, подучили отказ. Очень скоро пришлось переменить квартиру на большую, и вот, как выход из такого положения, явилась неотложная нужда в библиотеке Общественной, имеющей права на все, допущенные в продажу, книги.

Для достижения этой цели имелось два пути: собирать деньги и в далеком будущем открыть Общественную библиотеку или просить Городское самоуправление передать нашему Обществу имеющуюся у них в складах библиотеку. Надо сказать, что большинство наших членов склонялось к тому, чтобы, хотя много лег спустя, но иметь библиотеку совершенно независимую от города. Говорили, что если Городское самоуправление само не подумало дать библиотеку населению, и даже попавшую случайно в его руки, таковую могло прятать в склады, то с такими людьми вести общее дело нельзя.

Помню, как горячо и решительно настаивал на получении библиотеки

от города Сергей Александрович Усов²⁶.

Он был одним из учредителей Бесплатной народной библиотеки. Человек умный, дельный, образованный и прекрасный работник. Входя в группу лиц, организующих Бесплатную библиотеку, людей уже спаянных между собой некоторым образом, он являлся для них человеком чужим между ними, но очень скоро стал не только своим, а к его словам прислушивались и ценили, как незаменимого работника.

Он сумел убедить большинство, что этот путь единственный к достижению намеченной нами цели. Только при этих условиях является возможность дать населению в ближайшее время Общественную библиотеку, а всякие сборы средств затянут дело на многие годы, да и легко может случиться, не последует разрешения вам открыть Общественную библиотеку. Между тем, получив ее от города и этим как бы соединяясь с городом, мы уже имеем готовый устав. Устав этот с одной стороны очень хороший для того времени, а именно: все внесшие годовой взнос, становятся хозяевами библиотеки; они участвуют в выборах членов Комитета и могут быть избраны сами. С другой стороны, недостаток в том, что Председатель должен быть обязательно Городской Голова, два члена от гласных и еще два – непременно представителя: один от духовенства, другой – от Народного просвещения. Вот этот параграф и отпугивал большинство наших членов. От нашего Общества входило пять выборных членов и Товарищ Председателя, так что со стороны Общества получалось шесть голосов, от города пять. Это, конечно, плюс, но, несмотря на это, многие не соглашались работать при таких условиях.

Усов стоял на своем, доказывая всю выгоду работы с городом; он указал на большое равнодушие городских деятелей к библиотеке и говорил,

С. Александрович Усов → СЕВАСТОПОЛЬ ←

Сергей Александрович Усов

что если только передача состоится, то можно сказать с уверенностью, что и городские деятели, и непременные представители забудут о существовании библиотеки. Это убедило многих, и заявление в Думу было подано. Уже тот факт, что вопрос этот не вызвал в думе ни споров, ни разногласий, показал отношение города к нашему Обществу. Все голоса, за исключением одного, стояли за передачу, говоря, что Общество библиотечное себя зарекомендовало за 5 лет работы в Бесплатной библиотеке.

Открылась Общественная библиотека в апреле 1901 года²⁷. На деле оказалось, что работать с городом было даже легче, чем предполагал Усов. Нам пришлось иметь дело с ними до 1917 г., т. е. 16 лет, и за это время не было ни одной неприятности, ни одного столкновения.

На собрания Комитета почти всегда являлись все, и очень редко кто-ли-

*Здание сгоревшей Севастопольской Морской офицерской библиотеки.
Фото Д. Робертсона. 1855 г.*

бо из них вносил своё, а если и бывали такие случаи, то всегда считались с голосами от Общества, предоставляя им решать вопрос окончательно, как людям, несущим всю работу.

Нередко случалось даже, что по окончании заседаний, некоторые из городских деятелей приносили благодарность всем работникам по библиотечному делу. Так шла наша работа до 1917 года.

История извлечения из складов библиотеки заслуживает внимания. Она составила небольшую часть той Морской библиотеки, которая существовало в Севастополе за много лет до Крымской кампании. Во время войны часть ее сгорела, как и все здание, находящееся на бывшей Адмиральской улице, ныне Красноармейской, против Владимирского Собора. Там и сейчас еще сохранились кое-какие следы бывшего здания; есть остаток и

Здание бывшего Девичьего училища на ул. Соборной, в котором в 1856-1867 годах размещалось Севастопольское отделение Морской офицерской библиотеки (ныне ул. Суворова, 27). Фото Д. Робертсона. 1855 г.

бывшей башни. Из уцелевших книг, почти все были отправлены в Николаев, а самое малое количество оставлено в Севастополе для той горсточки офицеров, которые должны были оставаться в Севастополе. Им стоило большого труда, чтобы отстоять себе эту маленькую часть книг, что видно из старых протоколов, хранящихся в Общественной библиотеке²⁸.

Если я не ошибаюсь, то в шестидесятых годах начала функционировать в городе библиотека, названная Общественной.

Морское ведомство отвело две небольших комнаты в казенном здании по бывшей Соборной улице и оплачивало сторожа, а на все остальное. Городское Самоуправление выдавало 300 руб. в год. Суммы этой и членских взносов могло хватать лишь на оплату библиотекаря и на самое малое количество журналов и газет. Не было даже освещения, так что публика, при наступлении темноты, должна была расходиться. Люди служащие, особенно в зимнее время, не могли пользоваться газетами и журналами (журналы имелись в 1-м экземпляре и лежали на столе месяц). А когда в конце восьмидесятых годов библиотека была обратно переведена из Николаева в специально для этой цели отстроенное здание на главной площади, ...людей, умеющих вести такие дела [так в тексте – ред.]. Они приходили на помощь и брали на себя добывать деньги.

Город довел субсидию (в первые годы по 500 рублей и год), которой не могло хватить на наем помещения, оплату сторожа, отопление, освещение и книги. Правда, постепенно субсидия увеличивалась, но в малом количестве.

Общественная библиотека быстро росла и приобретаю в городе большую известность; количество подписчиков заметно увеличивалась. У меня нет здесь никаких данных, кроме случайно сохранившегося отчета о работе Библиотеки со дня ее открытия, т.е. с начала 1901 года до половины 1917 года.

Отчет составлялся скоро после переворота. Эти данные я и хочу указать, так как из них ясно виден рост всего дела.

В 1901 г. подписчиков состояло 350 ч.

Посещений в году – 4 817 чел.

В 1916 г. подписчиков – 1 855 ч.

Посещений в году – 43 354 чел.

Книг увеличилось в пять раз, инвентарь разросся сильно.

Для примера можно указать следующий факт, открывалась библиотека в 4-х небольших комнатах, а к 1920-му году имелось восемь комнат, и было тесно (Библиотека начала работать в квартире, которая была между двумя другими квартирами, откуда, постепенно пробивая стены, мы добыли еще четыре комнаты). Особенно тесно стало с начала 1917 года, когда начались

*Здание Центральной библиотеки на ул. Большой Морской, 37.
Фото 1931 г*

различные собрания библиотечных работников. В первое время собирались работающие в своей библиотеке, а позднее шли собрания работников всех библиотек.

С появлением Общественной библиотеки в 1901 году, благодаря минимальной плате (15 коп. в месяц) почти все взрослые подписчики Бесплатной перешли в неё. Бесплатная же осталась для детей и для тех взрослых, кто только начинал интересоваться чтением.

Просуществовала Бесплатная до конца 1920 года, когда все общественные сделались бесплатными, а поэтому наша была соединена с Общественной и получила название Центральной. Детский отдел книг послужил началом Детской-юношеской и был открыт уже Наробразом в бывшей нашей Бесплатной.

В 1920 году плата была отменена во всех библиотеках, как я сказала выше, но скоро, кажется, в конце 1921 года или в начале 1922 года плата вновь была восстановлена в библиотеках.

Наше Общество с самого начала своей работы стремилось дать библиотеки и окраинам²⁹, а в Севастополе есть окраины, отрезанные от города бухтой, как Северная и Корабельная [сторона], которая позднее связалась с

городом трамваем, но она все же слишком далеко, и жителям Корабельной очень трудно брать книги в городе. Так же далеко и Рудольфова гора. При этом надо сказать, что обе названные окраины заселены рабочими, особенно Корабельная, где есть Доки и сосредоточены все судостроительные мастерские. Там же обычно проживали семьи матросов. Поэтому было решено в первую очередь дать библиотеку Корабельной. Но из-за полного отсутствия средств осуществить эту мысль явилась возможность только после переворота. В феврале 1918 года открыта, наконец, на Корабельной и скоро на Рудольфовой горе³⁰. Основной книжный фонд для Корабельной состоял из книг бывшего Попечительства Трезвости, которое когда-то сделало попытку устроить на Корабельной библиотеку, но очень скоро само же Попечительство и закрыло ее, а книги отдало в одну из городских школ на хранение. Школу имени Некрасова. Об этом вкладе нам стало известно только в начале 1917 г., и сейчас же нами было подано заявление в Думу о необходимости открыть библиотеку и на Корабельной, а для этой цели просили дать книги, лежащие в Некрасовской школе. Дума немедленно дала согласие, но книг там оказалось слишком мало. Явился на помощь Лев Робертович Баум³¹. По его инициативе нам были отданы книги того же Попечительства, составлявшие до 1917 года библиотеку при Народном доме, где Баум работал; он, кажется, был заведующим Народным домом. В общем, составилось около 3-х тысяч книг, с которыми уже можно было приступить к делу.

Всю работу на Корабельной взяли на себя учителя той окраины во главе с Марией Федоровной Лубеновой³² (ныне умершей). Она являлась душой того кружка. Как и наш кружок, они взяли на себя всю организацию дела, а также и дальнейшую работу в библиотеке. Когда она была уже открыта, в нее вошли и все те книги, которые до 1917 г. составляли библиотеку Брестского полка.

У Городского самоуправления имелся в то время некоторый запас книг, образовавшийся из книг, брошенных разными военными частями. Крепостная артиллерия, помню, прислала в Думу сказать, чтобы забрали книги, иначе они останутся в пустом помещении.

Несомненно, что благодаря уходу военных частей, которые не предупреждали Думу, [книги] были в хищении. Дума о некоторых узнавала случайно, и находили книги в брошенных помещениях.

Для устройства библиотеки на Рудольфовой горе из городского фонда дано было много на Рудольфову гору, так что там сразу можно было поставить дело хорошо. Жители Рудольфовой горы сами предприняли кое-какие шаги к тому, чтобы иметь у себя библиотеку. Начали собирать книги. По их

просьбе члены нашего Общества согласились оказать свою помощь в организации библиотеки, а с получением книг от Городского самоуправления можно было скоро довести дело до конца. Наиболее активным сотрудником в этом деле был Г.Д. Ягелло³³, служащий Морской библиотеки и член нашего Общества.

Судьба этих двух библиотек скоро изменилась.

Кажется, в конце 1922 г. библиотеку на Корабельной пришлось передать союзу металлистов. За неимением средств, Наробраз вынужден был вынести такое решение. Спустя некоторое время библиотека с Рудольфовой горы была переведена на Карантинную слободку. Эта окраина гораздо ближе к Городу. Говорили, что за неимением средств.

Насколько мне понятна передача Корабельной библиотеки, настолько непонятно перемещение второй. Нет средств, и пришлось примириться с передачей Союзу металлистов, тем более что население ничего не теряет. Тут же, т.е. на Рудольфовой горе, было лишено книг население, а расход был тот же только в другом месте. Однако и на Карантинной она было временно, скоро ее перевели уже в город, хотя и на одну из отдаленных улиц, но все же в Город, что для рудольфовцев было равносильно потерять ее совсем. Позднее на Рудольфовой горе открыли Избу-читальню.

Библиотечным Обществом велась и другая просветительная работа. Устраивались общедоступные лекции, организован был Школьный музей в Общественной библиотеке и позднее – кино для детей школьного возраста. Для чтения лекций приглашались профессора из столичных городов. Приезжали профессора бесплатно, если не считать оплаты проезда. Из профессоров у меня в памяти остались Рожков³⁴, Кизеветтер³⁵ и Сакулин³⁶.

Школьный музей собирался постепенно; он составлялся в течение нескольких лет. Было предложение снабжать школы всеми пособиями. До некоторой степени это уже проводилось в жизнь, но вовремя Гражданской войны, когда его стали перетаскивать с места па место, он был растерян и попорчен. Тогда Общество постановило передать его в одну из городских школ, а именно в бывшую Городскую женскую гимназию (Не знаю, лучше сказать – не помню, как она называется, теперь³⁷).

Теперь несколько слов о кино для ребят.

В начале 1915 года Общество постановило организовать кино для ребят школьного возраста. До этого времени в этом направлении для детей ничего сделано не было. Бывали, правда, попытки в кино для взрослых ставить и несколько фильмов, годных для ребят, но это носило случайный

характер. Фильмов годных для такой цели в городе не было, а если и были, то без всякой связи между собою, как например: отдельные виды городов, выхваченных из разных стран света, были различные звери, птицы, но все это велось бессистемно, и просветительного характера такое кино не имело.

Несомненно, что за неимением фильмов сделали бы ничего и мы, но в этом деле нам помог Нижний Новгород. Там много лет работало очень полезное общество – «Секция Гигиены и Воспитания». На нашу просьбу помочь в устройстве кино, сейчас же были присланы каталоги имеющихся у них фильмов и дано обещание снабжать нас регулярно фильмами. Мы выбрали из своей среды комиссию для работы по постановке кино.

Выписывался ряд картин, из которых можно было составить нечто цельное. Если, например, имелось в виду ознакомить ребят с каким-либо государством, то перед их глазами проходила вся жизнь того государства: производственная, бытовая и т.д. Сеансы сопровождалась объяснениями. Комиссия предварительно сама присматривала фильмы, знакомился с ними и ведущий объяснения. Понятно, что в таком виде кино было очень полезно для ребят и пользовалось у них большим успехом. Трудно было нам устроиться с помещением, хотя некоторые владельцы кино охотно давали свои залы и даже бесплатно, но время, т.е. часы какие предлагались, не вполне удовлетворяли нас. Помог в этом деле Баум: получили помещение в Народном доме, где основались и работали уже все время существования кино.

К большому сожалению, работа в этом направлении продолжалась недолго; пришлось ее прекратить во второй половине 1916 года. Виною этому была разруха железнодорожного транспорта. Еще в начале 1916 года стали пропадать посылки, чем наносился большой ущерб обществу «Секция Гигиены и Воспитания». Имея ввиду, что Общество рассылало свои фильмы бесплатно и даже не хотело взять у нас [плату за] сгоревшую фильму по вине неопытного монтера, как не брали и за пропавшие посылки, нам пришлось ликвидировать такое хорошее и полезное дело.

Все такие начинания Библиотечному обществу приходилось проводить под флагом Народной библиотеки-читальни. Когда испрашивалось разрешение на постановку кино, устройства общедоступных лекций и т.д., то обязательно говорилось: для усиления средств Народной библиотеки. Само собой разумеется, что берясь за одно из таких начинаний надеяться на «усиление средств» нечего было и думать, приходилось скорее приплачивать, но с этим считаться не приходилось.

Так шла культурно-просветительная работа в Севастополе до 1917 года. Я уже говорила о доброжелательном отношении Городского са-

моуправления к Обществу, которое вело просветительную работу. Насколько с этой стороны работа шла спокойно и хорошо, настолько она тормозилась и даже несколько раз была близка к полному разрушению со стороны администрации. Везде и всюду, в каждой культурно-просветительной работе она видела крамолу, гоняясь за каждой, разрушала на своем пути все. Но, к большому счастью, не всегда ей это удавалось.

В 1904 году, например, без всякой причины потребовалось удаление нескольких членов из числа работников двух библиотек, на что Общее собрание постановило согласия не давать, а если удаляемым не будет дано разрешение работать, то уйти всем. Уход работников бесплатных был равносителен закрытие обеих библиотек, что администрации было нежелательно. За несколько лет широкие массы привыкли иметь книги и газеты, нуждались уже в них, и закрытие библиотек вызвало бы недовольство в населении. Около месяца шли переговоры администрации с лицом, ответственным в Народной библиотеке и, наконец, нас отставили в покое, но не без оговорок. Раньше все, как старые, так и вновь вступающие работники, были известны выборному Комитету и ответственному лицу. Тут же потребовалось сделать перевыборы всех работников и передать на усмотрение администрации.

Предложение администрации проделать пришлось, но были выбраны все прежние и те, кого требовали удалить. И тут получился большой кураез. Между другими были утверждены и все те, кого требовалось изъять. Работа пошла своим порядком, но все мы остались в подозрении у администрации.

Скоро получилось предписание, и была отобрана подписка о недопущении ни в одну из библиотек матросов и солдат. С военным ведомством вести переговоры, конечно, не приходилось, тем более что Севастополь часто бывал объявлен на военном положении, и военное ведомство являлось как бы хозяином города и всего населения. Ни матросы, ни солдаты пользоваться читальней уже не могли, но книги могли получать, посылая в библиотеку записываться свою жену, сестру или знакомого, что многие и делали.

Следующее нападение, более грозное, было в 1908 году. Тогда охота шла исключительно на библиотеку Общественную.

Москва 1928 г.

2-е дополнение к запискам 1925–1927 гг.

Осенью 1927 г. я вернулась в Москву. В ноябре повидалась в Сергиеве [Сергиевом Посаде] с Сергеем Андреевичем Никоновым и его женой, прочла им свои записки, желая знать их мнение, а также мне надо было получить более подробные и точные сведения относительно работы нашей в Думе. Сергей Андреевич был в Первой Городской Думе Городским головой, жена его, как сказано раньше, была в числе гласных, где мы обе работали в Комиссии по народному образованию.

Бывая в Думе на всех заседаниях, знала, конечно, что за исключением Народного образования, в Думе и по другим отраслям сделано немало. Но об этом мне хотелось написать после свидания с Никоновым. Меня так поглощали вопросы по народному образованию, что почти вся наша работа в Комиссии так зафиксировалась в моей памяти, что многое я помню, как будто это было вчера. В остальных вопросах, как второстепенных для меня, не доверяя вполне себе, я и хотела узнать от С.А. Никонова.

Вот что он установил в моей памяти.

Начав работу 4-го августа 1917 г., Дума сразу оказалась в очень тяжелых для работы условиях: всё обострявшаяся борьба за власть, приобретающая уже революционные формы; параллельно с Думой работа Совета рабочих, матросских и солдатских Депутатов, отсутствие твердых революционных законов и, наконец, крайне тяжелое материальное положение городского хозяйства вследствие постоянного падения курса денег. При таких тяжелых условиях и за время с 4-го августа 1917 г. до половины февраля 1918 г., когда в Севастополе установилась Советская власть, демократическая Дума все-таки успела провести следующее:

- 1) В области народного образования сказано в записках от 1925 г.;
- 2) Библиотечное дело описано подробно там же;
- 3) В области медицины: открыт второй амбулаторный пункт на Корабельной стороне (раньше был один), были открыты еще амбулатории с врачебным и фельдшерским персоналом, а также аптечками на Рудольфовой горе, на Цыганской (слободке), на Северной стороне, в районе Южной бухты и в пригороде Инкерман, в 8-ми верстах от города. На Корабельной и Северной стороне, а также и на Рудольфовой слободке, кроме Амбулаторий, открыты и родильные приюты, а также покои на 3-4 койки в каждом. Врачи пунктов обязаны были навещать тяжело больных на дому.

На Рудольфовой слободке открыта небольшая городская аптека с отпуском лекарств по себестоимости, т.к. ходить оттуда за лекарствами в город

было слишком далеко.

Существовавшая в городе Амбулатория и лечебница Общества врачей вскоре была почти полностью взята на иждивение Городской Думы. Во главе санитарной части стоял известный гигиенист профессор М.С. Уваров³⁸, приглашенный Думой, и под его умелым энергичным руководством санитарное состояние в городе стало быстро улучшаться. Была расширена санитарная лаборатория и была приглашена специалистка Казановская. Санитарный штат был усилен, улучшена дезинфекция и устроен изоляционный дом для изоляции семейств больных во время производства в квартирах дезинфекции.

4) В области призрения: открыты ясли на Корабельной на 30-40 детей. Взяты на иждивение Думы бывшие раньше ясли в городе, организованные Обществом в 1901 г. Усилен прием хроников и стариков в больнице.

5) В области благоустройства: начата проводка водопровода на Рудольфову слободку, население которой давно об этом хлопотало; им приходилось ходить за водой слишком далеко. К сожалению, довести до конца водопровод не могли успеть.

Было поставлено на окраинах несколько электрических фонарей, шоссированы и приведены в порядок некоторые улицы, например, в Татарской слободке.

6) В области продовольствия. Созданный Думой Продовольственный комитет, во главе которого стоял Пампулов³⁹, работал очень энергично и, безусловно, доставлял жителям массу необходимейших продуктов по сравнительно дешевым ценам.

И вот теперь находятся люди, которые печатно, рассматривая деятельность 1-й революционной Думы, находят, что ее «буквально не чем помянуть».

Так можно говорить или при нежелании видеть или просто желая извращать истину.

1-е дополнение к запискам, написанным в 1925 г. в Москве. Ленинград 1927 г.

В середине 1925 г. я начала писать свои записки в Москве, куда совершенно неожиданно закинула меня судьба⁴⁰, и где мне пришлось начать хлопотать о пенсии. Мои московские друзья, считая, что у меня есть право на персональную, советовали хлопотать о таковой. От них же я узнала о необходимости дать не только удостоверение о стаже, а также и сведения о моей общественной деятельности в Севастополе.

Вот причина, побудившая меня начать эти записки. Составляя их для данной цели, я считала нужным говорить главным образом о той части своей работы, на которую есть удостоверение Нарсуда, выданное в конце 1924 года в Севастополе, из которого видно, что я около 30 лет непрерывно работала в библиотеках и была учредительницей Бесплатной народной библиотеки. В действительности же мой стаж не 30, а 45 лет.

А.С. Бальзам. Фото 1920-х гг.

Первые годы моей работы ушли на занятия в частной школе⁴¹, на что никаких удостоверений нет, а также их нет и на те групповые занятия, какие я вела после школы много лет и в течение нескольких лет имела возможность совмещать их с общественной деятельностью. Занятия с ребятами, как я уже сказала в своих записках раньше, я любила и кроме того они давали мне возможность вторую половину дня отдавать собственной работе бесплатно.

В то время я считала себя много счастливее всех тех своих товарищей, среди которых шла моя работа. Мне казалось, что редко кому дается такое счастье, как мне; иметь по душе работу, и никогда не служить, никому не подчиняться. Служба и связанные с ней всегда подчинения нередко отравляют людям жизнь, заставляет

иной раз поступать против своих убеждений. У меня же почти всю жизнь, т.е. большую часть моей жизни, существовало подчинение только большинству своих товарищей по работе.

Итак, начав писать воспоминания для известной цели, пришлось ограничить их некоторыми рамками.

Записки были почти закончены, когда я изменила свое решение о персональной пенсии и начала хлопотать об обыкновенной, для которой ничего, кроме стажа и возраста, не требуется. Многие советовали напечатать их, но я не хотела даже делать попытки в этом направлении, будучи вполне уверенной, что их не напечатают. В них нет ничего яркого, ничего того, что интересует и чем живет теперь большинство. Записки мои, значит, оста-

лись лежать и пролежали бы еще много лет, если бы ни одно обстоятельство, заставившее меня взяться за них вновь. Обстоятельство, казалось бы, самое обычное, но я не могла отнестись к нему безразлично. Не могла потому, что было разрушено дело, в которое я вложила большую часть своей жизни, да и ни одна я, а многие другие положили на это дело массу своего труда и энергии.

*Частная школа А.С. Бальзам. Вторая справа – Ю.С. Усова (Люся).
Снято около 1909 г.*

Дошел до меня слух, что Общественная библиотека уже не существует. Приходилось и раньше слышать о печальном существовании этой библиотеки. Передавали о бесконечной смене Заведующих, что, несомненно, всегда отражается на общем ходе всякого дела; говорилось о большой утечке книг, об уничтожении всех журналов за старые годы, а также и библиографических редкостей, собранных за много лет с большим трудом. Не хотелось верить слухам, все казалось преувеличенным, а главное была уверенность, что найдется, наконец, Заведующий, сумеющий поставить дело как следует. Но оказалось иное. Доведя книжный фонд Общественной библиотеки до минимального количества, она была соединена с какой-то, кажется с партийной, и переведена в бывший дворец Главного Командира Черноморского флота. Туда же перешел и весь инвентарь.

Итак, от четырех библиотек, созданных нашим Обществом в течении

30 лет не осталось и следа.

Вся многолетняя работа Общества сошла на нет.

Переживая все это, у меня явилась мысль использовать мои записки, как материал, который может в будущем пригодиться. Будет же когда-нибудь, конечно, много после нас, писаться история Крыма, где Севастополь займет одно из первых мест.

Думаю, что, может быть, и те крохи, какие я оставлю, пригодятся будущему историку; они прольют свет на многолетнюю культурную работу в Севастополе и покажут, что, без всяких средств и поддержки (поддерживало только население), испытывая лишь гонения администрации, кружок интеллигентных работников добивался многого и вел свою работу в течение нескольких десятков лет.

Списалась с некоторыми, оставшимися в живых своими товарищами по работе и, ознакомив их со своим планом, просила совета стоит ли вообще пускать в дело мои записки и как практически осуществить мою мысль.

Все одобрили этот план и дали совет, куда можно отдать их на хранение. Сергей Александрович Усов ответил, что все подобные записки нужны, и хранить их необходимо; сам он перед этим писал «Экономические очерки Крыма»⁴², и, роясь для этой цели в различных архивах, зачастую находил именно в таких записках много ценного материала для своей работы. Эти слова его поддержали меня, и я решила продолжить задуманное дело. Но тут встал вопрос, как осуществить задуманное, т.е. как сделать, чтобы мои записки дали полную картину всей культурной работы в Севастополе в течение 30 лет. Ведь в моих записках говорится лично о тех учреждениях, в которых я принимала участие, но в городе работали и другие кружки, в которых сказать необходимо, т.к. работа их была тоже очень продуктивна.

Казалось бы, следовало кому-нибудь из тех кружков написать об их работе, но, несмотря на все мои попытки, найти желающих взяться за это дело, я никого не могла найти.

Некоторых нет в живых, другие разбрелись, да и я переехала на Север. Кое-кто дал все же мне некоторые сведения, да кое-что сохранилось в моей памяти. Интересуясь всеми культурными начинаниями, понятно, в общих чертах, я знала работу и тех кружков. Решила взяться сама за это дело и приступаю к нему с тем материалом, какой у меня имеется.

Начну с воскресной школы; их было две: женская открыта раньше и о ней я могу сказать сравнительно больше, а о мужской мне обещают дать сведения, но их нет и нет.

Женская открыта Благотворительным обществом⁴³, [которое] по своему усмотрению назначало заведующую школой. Так было до 1894 года, но с этого времени, по просьбе Совета школы, Благотворительное общество

эти свои права передало Совету школы, который и выбирал уже заведующего школой из своей среды.

Вначале школу посещало небольшое количество учеников, но скоро стало увеличиваться и дошло до 200 учеников. Были взрослые женщины, мужчины и подростки; так было до открытия мужской школы. Кем и когда открыта вторая [не знаю]⁴⁴, но знаю, что как в женской, так и в мужской работа шла успешно и привлекала много желающих посещать их.

Держались обе школы, как и многое в Севастополе, даровым трудом. На помещение трат не требовалось, так как занятия шли в городских школах. Все же Городское самоуправление давало на каждую школу от 220 до 300 рублей в год. Деньги нужны были на книги, учебные пособия и на оплату сторожу.

В 1917 году женская школа была преобразована в Общеобразовательные курсы (вечерние) и занятия шли уже ежедневно.

Курсы были только для взрослых, мужчин и женщин вместе. Наплыв учащихся был массовый. Большинство матросы (до 1917 г. ни солдаты, ни матросы не имели права посещать воскресную школу), но были и рабочие, а также женщины. Сохранились классы для неграмотных и малограмотных. Читались лекции по отдельным предметам: истории, географии, геометрии и алгебре. Закрыты эти курсы в 1920 году без всякой мотивировки.

Преподаватели в женской школе были следующие: Е.К. Цакни⁴⁵, Е.И. Бируля⁴⁶, П.С. Бальзам, М.П. Телятникова⁴⁷, С.Н. Угримова⁴⁸, Бирюкова⁴⁹, Стенстрем⁵⁰, Е.И. Силаков⁵¹, С.М. Фадеев⁵², Пятницкий⁵³ и др. В мужской: Ягелло, П.Д. Лескевич⁵⁴, Н.И. Фадеев⁵⁵, Симаков⁵⁶, Фигуров⁵⁷, Н.В. Никонова⁵⁸, П.А. Браунштейн⁵⁹, Кохман⁶⁰ и др.

После преобразования женской в Общеобразовательные курсы, там приняли участие учителя Высшей начальной школы: Рубанюк⁶¹, Давиденко⁶², Белевич⁶³ и Барсук⁶⁴.

Сведения о воскресных школах, к сожалению, у меня не широки.

Бесплатная Лечебница

В 1894-м или 95-м году Обществом врачей была открыта бесплатная лечебница для всего населения города⁶⁵. Начинали дело следующие врачи: Д.А. Аргириди⁶⁶, женщина врач Мар. Ф. Холмская⁶⁷, женщина врач Б.Д. Коген⁶⁸, Натанзон⁶⁹, доктор Коген⁷⁰, Шмидт⁷¹, Ратнер⁷², а позднее Цвибак⁷³, Л.А. Флеров⁷⁴, женщина врач Эфрон⁷⁵ и др.

Долгими и длительными хлопотами доктору Аргириди удалось получить от Городского самоуправления здание бывшей тюрьмы. Здание полуразрушенное, и для приведения его в должный вид, устроителям пришлось

потратить массу энергии и денег, которых в наличии, конечно, не было, а надо было устраивать различные сборы и т.д.

С переходом здания в собственность Общество врачей для лечебницы, переименовали и переулок, где это здание находилось, в Амбулаторный (раньше назывался Тюремный). При лечебнице-амбулатории имелось несколько коек для тех больных, которым делались операции. Отношение населения к лечебнице было самое хорошее; она пользовалась общим доверием. Многие из названных врачей считались в городе знающими врачами, с большим опытом и хорошим отношением к больным.

Общество борьбы с туберкулезом

Спустя несколько лет врачами было создано Общество борьбы с туберкулезом⁷⁶. Подробно говорить о нем не будут, так как много сказано о нем в моих записках, написанных в 1925 г. [см. стр.68].

Последнее, что сделано в Севастополе Обществом врачей – это устройство лазарета на 20 кроватей в самом начале войны. Помню, как среди врачей поднялся вопрос об оказании помощи раненым и больным, которых должны были доставлять в Севастополь. Сначала предполагалось организовать дело так: каждый желающий оказать свою помощь в этом деле, мог взять в свою квартиру одного или двух больных, в зависимости от средств и помещения.

Такая постановка вопроса казалась тогда возможна в виду того, что в Севастополь должны были доставлять лишь поправляющихся и нуждающихся в тепле и солнце.

На деле оказалось не совсем так. В виду того, что в устройстве лазарета я, как и многие севастопольцы, принимала некоторое участие, то знаю точно, что если и не присылали тяжело раненых и больных, то почти все нуждались в лечении вообще, а многие и в перевязках. Д-р Л.А. Флеров, который в конце 1915 г. был сам призван на фронт с поручением развернуть лазарет в Проскурове, где тяжело заболел и, перевезенный в Москву, умер в 1917 г., он решительно восстал против размещения хотя бы и поправляющихся больных в частных квартирах, находя это совершенно недопустимым.

Взамен этого он предложил путем сборов среди населения создать лазарет, где больные будут всегда под надзором врачей и найдут правильное лечение. План его был таков: все, желающие взять в свою квартиру больного, приглашались вместо помощи в таком виде делать ежемесячные взносы в лазарет. Более имущие могли брать на себя оплату стоимости одной или

двух коек. Сам он первый и взялся содержать одну койку.

Большинство согласилось с такой постановкой вопроса, и лазарет был открыт в самом начале 1915 года. Просуществовал он до переворота, т.е. до 1917 года. Врачи, взявшие на себя нести работу в лазарете, [действовали], конечно, бесплатно, многие оказались из работавших в лечебнице. Доктор Натанзон – заведующий лазаретом, женщина врач Коген, другой д-р Коген, женщина врач Эфрон, Королев⁷⁷, Флеров до отъезда на фронт, Свечников⁷⁸ и др.

Это было время, когда вся Россия несла на такое большое народное бедствие не только труд и деньги, но и свою жизнь. Поэтому не заслуга Севастополя, что наряду с другими городами был открыт лазарет и им. Но что можно поставить Севастополю в заслугу, так это отзывчивость всего населения и широкую помощь во всех культурных начинаниях.

Ведь ни одно из дел нельзя было бы создать, несмотря на какую угодно трудоспособность участников различных кружков, если бы всегда во время не явились бы деньги и даже помощники.

Все, что затевалось в городе: будь то устройство библиотек, яслей, пляжа для туберкулезных ребят, столовых в Казанской губернии, лечебницы, пансиона в Лименах и многое др. – все и всегда поддерживалось большей частью населением города.

Как на культурность населения можно указать еще характерный факт. Севастополь, кажется, единственный город в Крыму, где в 1905 году дело обошлось без еврейских погромов и других хулиганств, как было, например, в Симферополе, где избивали евреев на бульваре, а также и на улицах; в Ялте; в Феодосии был подожжен театр, во время представления и т.д.

В Севастополе был сохранен порядок, несмотря даже на попытки полиции натравить подвыпившую толпу на евреев. Когда эта толпа стала собираться в Народном доме, вероятно, для переговоров об организации погрома, сейчас же явились люди спешно предупредившие об этом Народных депутатов, в числе которых был и Усов.

Помню, когда к нему прибежали с такой вестью, кое-какие меры были приняты немедленно.

Было решено идти кому-нибудь из депутатов в Народный дом и попытаться переговорить с толпой, если, конечно, они захотят слушать.

Взялась за это Мина Карловна Бларамберг⁷⁹; она не только была в числе Народных депутатов, но раньше вела чтения в Народном доме и выступала на сцене в театре Народного дома. Надеялась она на то, что посетители Народного дома знают ее хорошо и любят ее чтения и игру на сцене, так верно не откажутся побеседовать с ней, если она предложит. И действи-

тельно, на ее предложение сказать им кое-что, многие из толпы выразили желание слушать, согласились и все остальные.

Начала она с объяснения Конституции: сказала подробно о правах, какие дает нам, гражданам, Конституция, а рядом с этим указала, как часто люди действуют не только не по закону, но и бесчеловечно, думая, что теперь всё можно, идут сводить свои счеты с теми, кто им не по душе. Коснулась тех безобразий, какие творились этими днями в Симферополе, Феодосии и других местах. Упомянула и о случаях, когда сама полиция иногда дает толчки и даже способствует погромам, давая возможность темной, часто не трезвой толпе, день-два бить и грабить евреев, а потом, для умирения высылаются войска. При этом разъяснила назначение войск в каждой стране. Между тем, бывают случаи, сказала она, когда эти войска высылают бить своего же брата, как бывает при умирении погромов.

*М.К. Чернова-Бларамберг.
Фото конца XIX века.*

мирения высылаются войска. При этом разъяснила назначение войск в каждой стране. Между тем, бывают случаи, сказала она, когда эти войска высылают бить своего же брата, как бывает при умирении погромов.

Надо заметить, что в конце зала стоял патруль (городовых в те дни не было). По-видимому, солдаты стояли спокойно, но слушали все с большим вниманием.

Как только Мина Карловна кончила, на сцену вышел один из толпы и высказал желание говорить тоже, тем более, что он имеет сказать кое-что своим товарищам. Начал он словами Мины Карловны. Выступая, она сказала: «Я думаю, что многие из вас меня знают». Он же начал так: «Меня то, ребята, вы наверно все знаете хорошо». Из толпы раздался смех и крики: «Как тебя не знать!», «Знаем очень хорошо», «Что ты нам скажешь?» и т.д.

Прежде всего, он заявил, что все, сказанное им сейчас, сушая правда, а

вам, ребята, я хотел напомнить другие слова, которые сегодня утром нам сказал полицейский чин (назвал фамилию) помните? Он ведь, кажется, сказал так: «Можете день-два догулять без опасения; хотя патрули стоят, но они вас не тронут».

Из толпы раздалось: «Верно», «Правда» и т.д. – «Значит, он разрешал

вам бить евреев». В толпе поднялся шум, говор, но уже в общем миролюбивого характера.

На слушателей все сказанное Миной Карловной, а потом слова своего же человека подействовали настолько отрезвляюще, что пошумев и поболтав между собой, стали расходиться. Все мы, присутствующие при этой беседе, вздохнули свободно, убедившись, что беда миновала. Зал опустел, уходили и мы, считая вопрос совершенно ликвидированным.

Но, как оказалось через несколько часов, не все считали возможным на этом и остановиться. Некоторые, кто слышал, что готовилось жителями города, считали своим долгом посчитаться с зачинщиком такого злого дела. Они думали, что, зная фамилию, легко найти, кого они искали, а потому пошли искать в местах, где он находился всегда раньше, но нигде его не оказалось, тогда они поняли, где он может быть после того, как было сказано о нем в Народном доме. Поехали на вокзал, а потом к отходящему пароходу. На вопрос о полицейском чине все служащие и команда уверяли их, что ни одного полицейского чина на судне нет. Это их не удовлетворило, и они решили поискать сами. Войдя в кают-компанию, они обратили внимание на сидящего за столом, среди пассажиров, турка с чалмой на голове. Он показался им настолько подозрительным, что они потребовали и настояли, чтобы он снял верхний наряд. И тут перед ними оказался полицейский мундир.

Помню, как в этот же вечер его притащили в Городскую Думу, где, по случаю какого-то важного вопроса, было заседание Думы, и собрался чуть ли не весь город. Были заняты не только все места для публики, но во всех проходах и даже на окнах стояли люди. Момент был жуткий, когда все присутствующие в Думе поняли, кого притащили. От разъяренной толпы можно было ждать всего. Конечно, заседание было прервано. Городские деятели должны были принять какие-то меры для предотвращения самосуда. Они взяли на себя охрану полицейского чина до времени, когда будет решена его участь. Охранять пришлось недолго; скоро миновали хорошие дни Конституции и настали репрессия. Полицейский чин, понятно, всплыл, и мы прочли в газете о назначении его на такую же должность в одном из городов Крыма.

Итак, несмотря даже на желание полиции создать погром, в Севастополе его не было.

Это ли не показатель культуры населения?

Несомненно, что в данном случае большую роль сыграли Народные депутаты, но не все было в их руках. Если бы вся толпа состояла из хулиганов или, по крайней мере, они преобладали, то едва ли можно было бы так

легко добиться подобных результатов.

И действительно, подвыпившая толпа хулиганов, направленная уже на погром и руководимая полицией, не поддалась бы уговорам отказаться от такого большого соблазна. Поэтому и надо думать, что хулиганы не только не были в большинстве, а только единицы, да и то не очень яркие. Заключаю это из того, что ни один из толпы даже не попытался бороться с Миной Карловной и ни единым словом не помешал ей сказать все, что она хотела и находила нужным.

Конечно, и в Симферополе, и в других городах были люди, желающие не допустить погрома, и может быть пытались делать, что следует, но там это было невозможно.

Улица Большая Морская, на которой в доме № 24 располагалась Севастопольская городская дума и Городская управа.

Отсюда и надо предположить, что среди жителей Севастополя в массе культурных людей больше, чем в других городах Крыма.

Вспоминается такой случай, который подтверждает это предположение. Было это уже в более позднее время, когда в Крыму власть переходила из рук в руки, как было и в других местах, а в Севастополе в особенности, т.к. там была и немецкая оккупация, были и французы, и англичане, и греки и т.д. Тогда же был маленький промежуток времени (кажется, в конце 1917 или в начале 1918 г.), когда власть была в руках рабочих. И надо сказать, что

для жителей города эти несколько дней были самыми покойными, самыми лучшими.

Теперь необходимо вернуться к М.К. Бларамберг. Раз уже пришлось упомянуть о той роли, какую сыграла она в 1905 году в недопущении погрома в Севастополе, то следует указать и другой случай, спустя несколько дней, когда ей же опять выпало на долю отстоять могущее быть кровопролитие.

Когда была объявлена Конституция, самое наибольшее начальство города Севастополя, Чухнин⁸⁰ - отсутствовал; другие, вероятно, растерялись и не могли удержать тех собраний и митингов, какие были ежедневно. Вернулся Чухнин и захотел все круто изменить, объявив сейчас же, что всякие собрания воспрещаются и будут разгоняться оружием. Еще до его приезда в городе и окраинах были вывешены объявления с приглашением всех жителей на митинг, назначенный на другой день на Приморском бульваре.

Предупредить военные части и все окраины города об отмене митинга и о том, что ждет всех явившихся на бульвар, было совершенно невозможно. Поэтому Народные депутаты решили выбрать несколько человек и послать к Чухнину для объяснения, как обстоит дело и просить уже этот митинг разрешить, и тут же всенародно будет объявлено о воспрещении всяких собраний. Думалось, что как не был крут Чухнин, но должен же понять, что никак нельзя расстреливать людей, идущих в полном неведении, что их ждет.

Была выбрана Бларамберг, юрист Резников⁸¹ и третий, фамилию которого не помню. Когда Чухнин их принял и понял, чего от него хотят, то резко, решительно и очень грубо отказал, заявив, что своего решения он не отменит. Говорили и отстаивали, понятно, и другие депутаты, но я уверена, что если можно было добиться хороших результатов, то только благодаря большому уменью Бларамберг убедить и доказать всю несправедливость его отказа, благодаря чему будет массовое кровопролитие, в котором он один будет виновен. В конце концов, Чухнин сдался, митинг разрешил, и это уже был последний митинг⁸².

Дело дошло уже до того, что явился в библиотеку Градоначальник⁸³ с громадной свитой, несколько чиновников, полицеймейстер, пристава, полицейские и ингуши, заняли все комнаты и лестницу. Когда прибежал ко мне сторож с такой вестью, я спешно пошла в библиотеку, то увидя такую картину, поняла, что ждет библиотеку.

Вся эта компания пыталась что-то изъять, но, не будучи в силах спра-

виться с таким делом, Градоначальник забрал все, что его кампании казалось подозрительным, а библиотеку опечатал. К этому времени пришел еще член нашего комитета, и нам двум Градоначальник объявил, что библиотека закрыта вплоть до особого распоряжения. Несомненно, что до 1917 года разрешения на открытие не последовало бы.

Несмотря даже на такой решительный шаг Градоначальника, стремящегося покончить с совсем не нужной, как казалось ему, библиотекой и стоящим у него в горле кружком, работавшим в библиотеке, победа все же осталась на стороне Общества, [которое] спасая свое детище, принялось, конечно, искать защиты, где только было возможно. Среди населения было много людей, знавших некоторых работников и всё, как шла там работа. Один на них, знающий хорошо законы, причем и знакомый Градоначальника, взялся переговорить с ним; он сумел убедить Гр-ка, что данный его поступок незаконный и посоветовал сейчас же послать для просмотра книг более сведущих людей, что и было сделано. На другой же день в местной газете утром явилось извещение о назначенной «ревизии Общественной библиотеки», а затем явилась новая комиссия. Ни одного вчерашнего, все новые и в очень малом количестве: жандармский офицер, два солдата, новый чиновник, состоявший при главном командире Черноморского флота, человек, несомненно, дельный, а главное умеющий разобраться в книгах и знающий законы. От города был член Управы и мы – два члена Комитета.

Постановила эта комиссия считать библиотеку открытой.

Дополнение к листу 5-му [рукописного текста]

Для общественных библиотек был закон, по которому они имели право приобретать все книги, вышедшие на рынок. Градоначальство получало извещение об изъятых книгах и сейчас должно было рассылать по библиотекам для осведомления заведующих библиотеками, от которых отбирались подписки в том, что им сообщено об изъятии той или иной книги. И только в таком случае, если бы в библиотеке оказалась изъятая книга, имели право карать ведающих делами библиотеки. Нам не давали знать, за редкими исключениями. Само собой разумеется, что нам неоткуда было узнавать, что в Петербурге изъято, а после 1905 года и до 1908 г. вышла масса новинок, из которых большинство было изъято.

В 1907 г. мы печатали каталог Общественной библиотеки. Надо было отобрать изъятые книги, но, не имея этих сведений, по вине Градоначальства, мы сами запросили Градоначальство, указывая, как важно нам иметь эти сведения. Ответа не получили, как и на повторный запрос, наконец, один из наших членов, Сафонова⁸⁴, взялась добыть сама нужный нам спи-

сок, что ей и удалось сделать после многократных хождений в Градоначальство. У нас оказались только две книги по этому списку, их отложили. Накануне дня, когда в библиотеку нагрянул целый ареопаг полиции, был прислан тючок книг от неизвестного, как пожертвование в Библиотеку. Это было поздно вечером, когда библиотека уже закрывалась. Все разошлись, спешила и я закрыть шкафы и идти домой. Поэтому разборку присланных книг пришлось отложить до следующего дня, на другой день; раньше меня, явился в библиотеку градоначальник с громадной свитой. Изведенная о таком нашествии сторожем, я поспешила в библиотеку с ключами и списком изъятых книг. Пройдя через всю толпу, подошла к градоначальнику, назвала себя и сказала: «Вот ключи от шкафов» и, указывая на список книг, добавила, что у нас оказалось лишь две книги, которые уже отложены. Затем предупредила о полученных накануне книгах и еще не разобранных. Градоначальник задает вопрос: «Это список изъятых книг? Да ведь это 1/100 часть того, что изъято!» «А почему Градоначальство нам дало лишь 1/100, а где же 99/100?» – спросила я. Он ничего не ответил. Но на другой день, когда к нему пошел желающий помочь нам отвоевать библиотеку, он ему сказал: «Со мной вчера в библиотеке говорила Бальзам. Должен заметить, говорила она слишком дерзко».

На такое заявление наш защитник ответил: «Я знаю Бальзам много лет, никогда не слышал, чтобы она с кем-либо была дерзка». Очевидно, вся моя дерзость заключалась в том, что на его вопрос я ответила вопросом, а, главное, не прибавляя перед каждым словом «Ваше Превосходительство» и так далее.

За это я осталась у него на замечании, и вся эта история не прошла для меня бесследно. Скоро ко мне пришли с обыском. В эту ночь был ряд обысков и потому для меня остался один их пристав и два солдата, жандармов не хватило. Время совпало с тяжелой болезнью матери и именно в эту ночь она была очень плоха, а кроме того у меня на руках осталась моя племянница, девочка 5-ти лет. Я пришла в ужас, что будет с этими дорогими мне людьми, если меня возьмут.

Высказав приставу свои опасения, просила его разрешения послать за жившей в этом же дворе знакомой учительницей. Он разрешил, и я успокоилась. Надо сказать, вообще пристав вел себя вполне порядочно, т.е. делал свое дело, не издеваясь над человеком, которого обыскивал и не старался ухудшить и так уже не легкое положение обыскиваемого. Например, входя в комнату к тяжело больной матери и в другую, где спала девочка, он солдат не пускал туда, а шел со мною один.

Ничего у меня, конечно, найти не могли, но, несмотря на это, на другое

утро пришел ко мне жандарм за паспортом. И много времени пришлось хлопотать тем, кто взялся помочь мне вырвать паспорт из рук жандармов, они ссылались на полицию, те посылали к жандармам, и обе стороны говорили одно: «Пусть Бальзам придет сама». Я же решила никуда не ходить, пусть делают, что хотят. В конце концов, не поvidaвшись со мной, паспорт вернули. После мне передавали, было предположение меня выслать, но что-то помешало. Еще был слух об удалении с места пристава, производившего у меня обыск. Насколько верно одно и другое – утверждать не берусь, но пристав этого я больше никогда в городе не встречала.

Печати были сняты, и на следующий день библиотека начала свою работу.

Севастопольские учителя.

Вся такая травля, как и первая, когда требовалось изъять несколько человек, было делом рук полиции, людей не только необразованных, а даже, я бы сказала, малограмотных.

Необходимо указать из кого состояла библиотечное Общество. Большинство – учителя первой и второй ступени, врачи, юристы; многие из перечисленных – бывшие общественные деятели.

Много помогала молодежь только что окончившая среднюю школу и

по различным обстоятельствам не имевшая возможности ехать в высшую школу; они оставались в Севастополе и работали в библиотеках. Увлекала их общественная работа настолько, что они все свободное время отдавали ей. Молодежь, настроенная так, была очень полезна в нашем деле. Почти все где-нибудь служили, и значит утром служба, вечера отдавались общественной работе.

Из нужных для дела людей многих служба переводила в другие города, и они уезжали, иным по другим обстоятельствам приходилось уезжать из Севастополя, а были и такие, которых «уезжали». Вокруг библиотечного кружка вращалось много людей, всех перечислить нет возможности, не имея в руках никаких шансов. За 30 лет сменилось так много лиц, что в памяти у меня сохранилась лишь оказавшие своей работой наибольшую пользу делу; их я перечислю на отдельном списке⁸⁵.

Поездка на голод

За 30 лет моей общественной работы в Севастополе по народному образованию, мне приходилось в силу различных условий жизни, отклоняться на время от своего дела. Жизнь шла, выдвигая много новых вопросов, помимо народного образования, которое нельзя было обходить безучастно.

Помню, еще осенью 1898 г. заговорили о голоде на Волге. Газеты и журналы передавали ужасы, творящиеся там. Жутко становилось и хотелось хоть чем-нибудь оказать свою помощь в таком народном бедствии. Я и жена доктора Никонова Нина Васильевна решили попытаться собрать денег и поехать в одну из губерний на Волге.

Надежды на помощь нашего отзывчивого населения не обманули вас. Желая знать, на какую сумму сборов можно рассчитывать ежемесячно, мы обошли некоторых намеченных жителей, знакомя их со своим планом, и убедившись, что таким путем сделать дело можно, поместили в местной газете объявление о предстоящей поездке на голод, о сборе денег для этой цели и приглашение на собрание всех, желающих оказать свою помощь.

Собрание состоялось в той же Бесплатной библиотеке, члены которой принимали самое горячее участие в оказании помощи голодающим. На собрание явилось много больше, чем можно было ожидать. Сбор денег превзошел даже все ожидания. В самой поездке явился тормоз в лице администрации, не Севастопольской. Нам не ставили препятствий ни в сборах денег, ни в устройстве концертов, спектаклей и др. Для этой цели, ни даже в собраниях, которые необходимы были для выявления некоторых вопросов. Я говорю об администрации тех губерний по Волге, которые отклонили наше предложение приехать к ним для устройства столовых. Наконец, по-

сле долгих ожиданий, нас приняла Казанская губерния, да и то благодаря знакомству Никоновых с семьей Куприяновых (родственников В.Н. Фигнер). Первые столовые открыли в Тетюшском уезде в феврале 1899 года. В начале лета можно было оказать помощь и в Цивильском уезде. Стали получаться деньги не только из Севастополя. Узнавая из газет о существова-

Раздача хлеба голодающим⁸⁶

нии севастопольских столовых, начали получаться деньги и из других мест. По мере того, как увеличивалась получка, росло и количество столовых, тем более, что и голод становился острее и явился там, где его не ждали, так было в Цивильском уезде. Накануне закрытия столовых было получено две тысячи с лишним: их я решила употребить на покупку лошадей безлошадным, на постройку двух школ в Тетюшском уезде и на починку некоторых изб. Как покупку лошадей, так и постройку школ я принуждена была поручить Земскому начальнику, о котором скажу ниже. Пришлось поступить так потому, что из Казани пришло требование немедленно столовые закрыть и уезжать.

Севастополь, кроме денег, высылал различную одежду, белье и теплые вещи, конечно, в общем, вещи старые, но бывали и такие, например, куски сукна и мужские еще совсем хорошие костюмы. Эти вещи, по совету Зем-

ского врача, я решила с его же помощью раздать учителям более нуждающимся. Вещи присылались вагонами. Был прислан и вагон свеклы с хутора М.А. Бухштаба⁸⁷.

Не имея возможности сложить в своей избе такое количество вещей и не имея времени заняться их раздачей, т.к. на это уходили бы целые дни, пришлось просить земского врача взять это на себя. Он мог производить раздачу постепенно, и было помещение в больнице для их хранения.

Помогали в работе по столовым следующие лица: были учителя, два чувашских священника, а в татарской деревне, где я жила, много помогал мулла. Близко имелся большой базар. Если не хватало всего на базаре, эти же помощники ездили закупать все необходимое в ближайшие города, например, Буинск и др. Были и поставщики.

Во время эпидемии тифа и цинги был прислан медицинский персонал: врач, фельдшерица, студент-медик и две сестры.

Фельдшерица и студент оказывали нам большую пользу тем, что давали знать о больных и даже целых семьях, которые голодали. Это было в тех углах, где не было столовых, и о них мы не знали, но благодаря их указаниям и их содействию можно было и туда направить помощь. В тех местах ими же была организована раздача детям молока, крупы и т.д.

Теперь о власть имущих, с которыми приходилось нам иметь дело. У нас была единственная власть – Земский начальник Бечко-Друзин⁸⁸, человек вполне порядочный, относящийся хорошо и доброжелательно к населению. Поэтому и к делу столовых отнесся должным образом. Всегда и во всем он оказывал помощь нам в работе: о мелочах говорить не буду, но укажу на два существенных для всего дела факта. Надо заметить, что по своим служебным и семейным делам мы с Никоновой могли ехать на голод по очереди. Первая уехала Никонова и организовала в нескольких деревнях столовые. Земский начальник заявил в Казани о помощи из Севастополя и указал на Никонову, как человека присланного из Севастополя для этого дела.

Я оставалась в Севастополе, производила ежемесячные сборы денег и вещей, пересылала деньги в Казанскую губернию, добывала для вещей вагоны и т.д. Потом мы поменялись ролями. Приезжаю на смену я и со мной член библиотечного общества Ю.С. Баланчук⁸⁹. После принятия от Никоновой всех дел, она уехала. Очень скоро являете ко мне Бечко-Друзин с таким вопросом: останусь ли я, если не буду официально проведена в Казани, т.е. моя фамилия не станет известна Губернатору, а будет числиться заведующая всем делом Никонова? По всему ходу дела он понял, что о смене лиц, заведующих делом, поднимать вопроса нельзя, новое лицо утверж-

дено не будет (Он только что вернулся из Казани). Если же, несмотря на это, я осталась, то все остальное, т.е. все могущие произойти последствия такой незаконной замены, он берет на себя. Что можно было ответить человеку на его такое сильное желание спасти нужное для населения дело, где он, поступая так, рисковал до некоторой степени своей службой.

Я ответила, что, конечно, остаюсь. Приехала работать, будет или не будет обо мне знать Губернатор, мне безразлично. Поэтому, если он может дать мне возможность работать и довести до конца дело, для которого я приехала, то кроме большого спасибо, ничего сказать не могу. Итак, я осталась, а также и Баланчук. Скоро приехала вторая помощница – учительница М.Г. Гахова⁹⁰. Сеть столовых расширялась, и надо было иметь своего человека в другой волости. Позднее тоже из Севастополя приехала третья – Е.Ю. Сатири⁹¹. О каждом новом лице я сейчас же сообщала Бечко-Друзину и дальше это не шло. Итак, случись вместо Бечко-Друзина другой Земский начальник, дело было бы прервано в самое тяжелое время голода, как это и было по соседству с нами.

Затем второй факт. Как только подходило дело к концу и кое-где начинали собирать хлеб, но не в нашей части уезда, в Казани стали ходить слухи, дошедшие до Губернатора, а возможно, что ему и просто донесли, что рабочих нет, все деревни кормятся какими-то приезжими из Севастополя и т.д. Земскому это было поставлено на вид и потребовалось немедленно столовые закрыть. И вот приезжает он ко мне и передает распоряжение Губернатора. На все мои заявления, что люди, которых мы кормим, собирать хлеб еще не могут, будут его иметь не раньше двух недель, о чем и он, и я знаем хорошо, он сказал: «Тут я бессилён, столовые закрыть придется и сейчас же».

Тогда я решила обойти вопрос этот так: столовые завтра и закрыть, обеспечив всех наших едоков продовольствием на две недели. Выполнить это было вполне возможно. В каждой деревне имелся свой небольшой запас всего, деньги были. Требовалось составить немедленно список недостающих продуктов, спешно все закупить и произвести раздачу. Явились и помощники и, зная в чем дело, взялись доставить все в самый короткий срок. Имея деньги и людей все можно было выполнить в несколько дней, что и было сделано. И это не было скрыто от Бечко-Друзина. Я сама сказала причину своей задержки в деревне на несколько дней, не считая себя вправе скрывать это от человека, несущего за все ответственность. Он сообщил в Казань, что распоряжение свыше исполнено, столовые закрыты, но не помешал мне остаться и произвести раздачу во всех деревнях.

В соседнем уезде, в Цивильском, оказался тоже порядочный человек

Земский начальник. В самое острое время голода, ко мне ночью постучал дьякон Цивильского уезда. Как только его впустили, он назвал себя, сказав, что по очень секретному делу: свое ночное посещение объяснил серьезностью вопроса, который ему необходимо скрыть. Секрет заключался в том, что и у них люди голодали, но помощи никто не оказывает. Узнав о столовых в Тетюшкинском уезде, открытых какими-то приезжими, он и священник решили довести до сведения этих людей и о своей беде. При этом умолял его не выдавать. Деньги были, а значит, оказать помощь и так было необходимо, но для этого необходимо иметь разрешение другого Земского начальника. На другой же день пришлось поехать в уезд, верст 30-35 от нас. Земский там был по фамилии Белькович⁹².

Приехав к нему, я сказала, что случайно узнала о голоде в Цивильском уезде, а так как в данное время у меня есть возможность оказать помощь и у них, прошу разрешить открыть столовые. На это он ответил, что разрешения дать не может и вот почему. Когда в свое время собирались сведения о местах, где был неурожай, их уезд в эти списки не попал по какой-то ошибке. Заявлять же теперь о голоде, у них нет уже права, хотя в действительности сейчас уже есть места, где люди голодают, уезд пострадал много

Народная столовая

меньше других, а потому и голод сказался позднее и не всюду, но нужда местами действительно есть. Их поэтому, не препятствуя со своей стороны оказать помощь нуждающимся людям, разрешения официального он дать не может. Я, конечно, поняла, что неофициально столовые открыть можно. От него же узнала и места, где наиболее нужна помощь. Сейчас же было написано в Севастополь, откуда очень скоро приехала Е.Ю. Сатири; она поселилась в Цивильском уезде и вела все дела сама, а я изредка наезжала, когда надо было передать ей деньги, посоветоваться о чем-нибудь и т.д.

Итак, мы попали случайно в особенно хорошие условия, встретив в двух Земских начальниках таких порядочных и отзывчивых людей. Рядом же с ними и на таких же местах сидели и совсем иные типы. Например, один из них, узнав о нашей деятельности, говорил: «Удивляюсь, как можно пускать такую публику, я бы их на пушечный выстрел не пустил бы к своему участку».

Другой случай такой: какая-то учительница приехала тоже на собранные деньги кормить людей, но вдруг, совершенно неожиданно, она была выслана и столовые закрыты. Об этой я узнала случайно, но ни фамилии высланной, ни места, где это произошло мне не сказали.

Скоро после этого на мое имя была получена довольно крупная сумма денег и письмо от члена Симферопольской Земской управы Конради⁹³.

И тут выяснилось, что Симферопольское Земство направляло свои пожертвования для голодающих на имя высланной учительницы. Поэтому Земство постановило послать деньги мне. Не знаю, конечно, почему была выслана какая-то учительница, которую я даже не видела, но думаю, что раз Земство через нее пересылало деньги, то ясно, что человек этот ехал действительно кормить голодных, а не заниматься там пропагандой, так что высылка была совсем по другим мотивам. Вернее, что на ее пути стоял Земский схожий с нашим соседом, который не допускал в свой участок никого на пушечный выстрел.

Теперь надо сказать о населении, где шла наша работа. Мы попали в ту часть Казанской губернии, где большинство татары и чувашы. Деревни так близко друг я другу, что бывали места, откуда видны три-четыре деревни разом. Народ забитый постоянными голодовками, нуждой, болезнями и беспросветно темный. Казалось, ни один луч света не проникал к ним. Трахома и сифилис свили себе особенно прочные гнезда среди чуваш; были деревни сплошь зараженные сифилисом.

Удручающее впечатление производили ребята. Большинство из них с

больными глазами, у многих на теле раны, как говорил врач, наследие родительское. У татар, живущих бок о бок с чувашами, и находящимися в одинаковых с ними условиях, таких картин не приходилось видеть. Правда, татары много чище и опрятнее вообще, и жилища их не производят ужасающего впечатления, как у чуваш. Я говорю о той части Тетюшкинского уезда, где провела несколько месяцев, но от Земского врача слышала, что и дальше не лучше.

Жилища, особенно у чуваш, не поддаются описанию. Видя жизнь этих несчастных людей ближе, было от чего приходиться в ужас. В их избах мне пришлось побывать и вот почему: в лечение больных цингой входило обязательно смазывать больные ноги йодом. До появления медицинского персонала, прибывшего на эпидемию, во всем громадном участке был один врач и, кажется, один фельдшер. У них же на руках большая больница и громадный амбулаторный прием. В больнице лежало много больных цингой, так что работы было слишком много. Значит за неимением рук и лекарств вообще, в частности йода, смазывание ног производилось лишь лежащим в больнице. Поэтому я предложила доктору взять на себя хотя тех больных, которые лежат в деревнях, где я все равно ежедневно бываю по делам столовых. Он согласился и по моей просьбе, за наш счет выписал йод в большом количестве. Предварительно д-р пригласил меня в больницу и ознакомил с процедурой смазывания. Вот из-за чего я побывала во многих избах.

Помню, чувашский священник указал одну семью, жившую в особенно бедственном положении: мать и четверо детей больны цингой, отца нет. Некому даже ходить в столовую за обедом, приходилось все им посылать с кем-нибудь. Я отправилась; в это раз была со мной и Баланчук. С нами пошел родственник священника, как переводчик.

Голод в Поволжье. Больные крестьяне

И вот подходим к избе, и я вижу, что двери нет совсем, остались лишь следы изгороди. Спутник наш поясняет: «Некому привести дров, сожгли

изгородь». Около избы не было буквально ничего и ни одного живого существа. На наш стук в дверь ответа не было, а когда, толкнув дверь, мы вошли, то оказались под открытым небом. Крыша сеней, как и изгородь, ушла на топливо. Дальше одна очень маленькая комната, где большая печь занимает чуть ли не половину избы. Изба черная, отчего стены веками прокопченные и такие же лавки, на которых лежат не тряпке полуголые больные дети и мать. Мать, это несчастное, маленькое высохшее существо, только в силу необходимости доставляет себя передвигаться от одного ребенка к другому, держась руками за лавки.

Еще входя в избу, я мысленно решила, что такую избу необходимо начинать, но дело приняло такой оборот, что чинить пришлось немедленно. Как оказалось, пол прогнил настолько, что не выдержал тяжести лишних трех людей и рухнул.

Помню, что двум детям я уже смазала ноги и подходила к третьему, но почувствовала, что лечу куда-то. Мы с Баланчук стали на одну доску, которая была совершенно негодная, прогнившая, она и рухнула. Я полетела в погреб, но успела по дороге ухватиться за уцелевшую доску и повисла на ней, пока мой спутник (на счастье, он оказался здоровый детинкой) вытащил меня за руки. Баланчук провалились тоже, но т.к. она стояла поперек доски, то совсем не провалилась, бока задержали, извлечь ее было много легче. Все кончилось благополучно, а для несчастной семьи даже хорошо: изба была починена немедленно.

Вспоминается другая изба, в другой деревне, где общая картина та же. Тоже изба на пустыре, тоже на стук никто не отвечает и не выходит, а войдя, видишь единственную умирающую женщину. Говорить она уже почти не могла, а когда ее стали кормить усиленно, она поправилась.

Помню умершего при мне татарина. Молодой солдат, отпущенный домой «за негодностью», как мне сказал один из соседей. Туберкулез в последней стадии, как говорил врач. Дома голодная старуха-мать и совершенно пустая изба, поразившая меня своими микроскопическими размерами. Помню, что завязывая на голове платок, я пальцами касалась потолка, а большой был высокого роста, так что не согнувшись ходить он там не мог.

Узнав о таком тяжелобольной, я повезла туда все, что необходимо человеку больному, и конечно, что я могла там найти, но было уже поздно. И такой случай не единственный, всех не перечесть, да и я видела далеко не все.

О темноте в народе приходилось слышать много, но перечислю лишь факты и то, что видела сама. Помню, чуваш-священник уговаривал меня, чтобы я хоть раз побывала в церкви, объясняя это тем, что одно мое появ-

Голод в Поволжье. Крестьянская изба

ление заставит многих изменить существующий в народе взгляд на нас и прекратит доходящие до него слухи.

Темная масса, получившая так неожиданно помощь от неизвестного ей Севастополя, конечно, не понимала ни людей, приехавших им помогать, ни присылавших такую массу денег, несмотря на то, что и я, как раньше Никонова, много разъясняла народу, каким путем возникли столовые и из каких грошей составляются большие суммы денег. Говорилось и на сходах, собираемых нами для выяснения количества нуждающихся и т.д. Сбирать сходы права у нас не было, но заставляла необходимость.

И, несмотря на все это, т.е. на все разъяснения, народ больше и охотнее верил различным легендам, ходящим о нас, вроде того, например, что мы посланы нечистой силой и т.д. Так думало совсем уже темное меньшинство; большинство же было глубоко уверено, что деньги идут от царя, а мы посланные царем люди, что часто они сами подтверждали. Просит, например, о чем-нибудь татарин и прибавляет: сделай это, пожалуйста, царский доверенный.

Была у них уверенность, что рано или поздно, а они должны будут платить за царскую помощь, потому что ведь и царь даром не даст. Больше всего они боялись обязательного крещения, и им мерещилось, что в расплату войдет крещение. Настолько велик был этот страх, что деревня Исаково от столовых отказалась. В Исакове, передавал священник, более имущие кор-

мили свою бедноту, только бы они не к нам [шли]. И они не только не шли, а прятались от нас. В их деревне был мост, который мы неизбежно должны были переезжать во время больших ливней, когда все другие дороги становились непролазными. И вот в таких случаях я имела возможность убедиться в верности слов священника. Стоило только показаться нашей повозке, как вся деревня моментально замирала: ребят загоняли в избы, двери и окна закрывались, что было видно издали, и проезжать приходилось по мертвенно тихой улице. И несмотря на такую запуганность, нашлись все же два бедняка, отважившихся явиться к нам за помощью. Появления эти, как мне помнится, были по вечерам. Им насыпалась в мешки мука и они тайком от своих односельчан пробирались домой.

У татар держался и такой нелепый слух: «Настанет время, явятся к ним женщины, за ними должен прийти мужчина, и тогда начнется крещение». Это будто бы написано в каких-то книгах у них. Верили в это не все татары, были столовое, открытые Красным Крестом, и в них на видном месте был крест; многие все же ходили туда. Более дикие смотрели как исаковцы. И этот нелепый слух мне был передан.

В самый разгар таких слухов появляется у нас мужчина. Это был сельский учитель из Крыма (фамилии не помню), кажется, из деревни К.... Он, как оказалось, сидя в своей глуши, следил по газетным статьям и нашим отчетам за деятельностью севастопольский столовых, а когда настал для него летний отдых, он решил использовать его на работе с нами. Приехал, не предупредив меня, явился, как снег на голову. Помощь человека так охотно дающего свой труд, была бы очень кстати тогда: в это время было наибольшее количество столовых и работы прибавилось много, но, несмотря на все это, нельзя было не считаться с настроением населения.

Пришлось рассказать ему, с какой темнотой мы имеем дело. Узнав все, он решил и одного часа не оставаться у вас, а сейчас же возвращаться в Крым. Жаль было отпускать такого ценного работника, и у меня явилась мысль использовать его желание работать где-либо в другом месте, не с нами.

Как только я высказала эту мысль, он очень охотно ухватился за возможность работать, где бы то ни было. Помочь в деле мог только Бечко-Друзин. Сейчас же он и поехал к нему с письмом от меня, в котором я пояснила причину, по которой нельзя ему оставаться у меня. Бечко-Друзин устроил его, кажется, в Краснокрестовских столовых, далеко от нас, где он и работал все лето.

Еще один факт, рисующий дикость населения. Возвращаясь как-то вечером в свою деревню, я увидела собравшийся сход. Удивило меня и время

необычное для стада, и волнение среди собравшихся. Бросился мне в глаза прежде всего какой-то сверток, который, переходя из рук в руки, как видно, и волновал всех сильно. Говорили и кричали громко, но, не зная языка, трудно было разобраться в том, что произошло в деревце в мое отсутствие. Я остановила лошадь и стада ждать конца их собрания. От толпы отделился старшина, подошел к моей повозке и объяснил в чем дело. В свертке был только что родинься ребенок. Мать его вдова, живущая совершенно одиноко. Такой случай у татар в те времена никогда не бывал, это считалось необычайным позором. Поэтому несчастная женщине не смела ни к кому обращаться за помощью, чем сама обрекла себя на смерть. Только на крик ребенка обратили внимание соседи и когда вошли, то мать уже умирала, ребенок остался жив.

Сейчас же собрался сход и начался крик и шум. Сход требовал, чтобы ребенка взял брат мужа умершей женщины. Тот же, считая себя и так уже опозоренным появлением ребенка у вдовы умершего своего брата, и слушать о нем не хотел.

Я поняла, что в данном случае мое вмешательство ни к чему не поведет, но все же ребенка как-то устроить необходимо, пригласив к себе старшину, мы отправились в мою избу. Первое что я могла предложить – это взять на себя устройство сейчас же ребенка в приюте в Казани. Старшина заметил, что на это не согласятся, боясь крещении в приюте, но все же переговорить со сходом пошел. Как и следовало ожидать, согласия не последовало. Тогда я предложила, чтобы сход выбрал какую-нибудь семью, которая согласилась бы принять ребенка, а на себя брала давать на содержание ребенка, сколько решит сход. Давать обещала до своего отъезда, а уезжая, оставила бы некоторую сумму. И на это согласиться не могли, ни одна семья «такого» ребенка взять не может. Много раз ходил мой старшина и, наконец, пришел сказать, что решение принято и решение самое нелепое: несчастное дитя было обречено на кочевую жизнь, его ежедневно должны были переносить из избы в избу. Делалось это, очевидно, для того, чтобы такой «позор» не пал на одну семью, а когда он разделится на всю деревню, то она думала, не так уже страшен. Мне предложили давать на его содержание, но платить за это несчастное дитя пришлось недолго, что я и предвидела. При таких условиях жить ребенок не мог. Когда дня через три пришли просить денег на его похороны, я подумала: лучший конец для маленького неудачника.

Если бы коротко обрисовать все население, то можно сказать: дикость, нищета и беспросветная тьма.

Добавление к листу № 8 [рукописного текста] [к главе о поездке на голод]

Говоря о людях помогающих нам на голоде, надо указать и тех, кто пытался на столовых нажиться, но это были единицы, и была возможность убрать их от наживы.

Помню, в одной татарской деревне был выбран кухарь, лицо которого внушило мне большое недоверие, но ведь на одном личном впечатлении нельзя основывать ничего, тем более что первое время он исполнял свои обязанности хорошо и так вообще держал себя, что скверное впечатление совершенно рассеялось. Однако, стала я замечать, что обеды хуже, чем у других кухарей, хлеб плохо испечен, да и люди стали жаловаться на него, но делалось это за его спиной и шепотом. Поэтому у меня не было возможности говорить с ним о том, что я узнавала по секрету. Решила лучше сказать прямо, попробовав еду, что еда приготовлена скверно. Но его на лицо не оказалось, а со слов его жены и помощников я поняла, поехал по делам и скоро вернется. Ждать его я не могла, надо было спешить в другие столовые. Уезжая, обещала завтра переговорить с ним, а ему сказала передать, чтобы он ждал меня и вообще должен знать, что до раздачи обеда отлучаться не может ни для какого дела.

На другой день картина та же: его на месте нет, плохой хлеб и отвратительная еда, попробовав которую, ясно видно, что в котел не положена и половина того, что полагается и что ему выдается. Поведение его меня взорвало, и я объявила, что кухарем он остается только до завтра, а завтра им придется выбрать другого. Насколько же человек этот был нахален, что и завтра, оставя все по старому, сам уехал.

Он, конечно, был уверен, что деревня, боясь его, выбрать другого не посмеет, а с моей стороны резкого поступка не ждал, считая, что я в беспомощном положении, т.е. мы же установили кухаря выборного, а значит, он думал, устранить его я не могу. Поэтому ему казалось, что у меня выхода нет, и терпеть его я должна.

Ехала я к ним на следующий день и все обдумывала, как быть, если под его давлением, деревня другого не выберет, что делать тогда? На мое счастье, недалеко от деревни я разглядела вдали верхового, гнавшего штук 10-12 лошадей и едущего по направлению села, где был базар. В едущем я узнала нашего кухаря. Значит, он занимается куплей-продажей, да еще обкрадывает голодных людей, подумала я. Это заставило меня прекратить окончательно всякие разговоры с запуганным населением, а действовать самой, не надеясь на них, т.е. гнать кухаря сейчас же вон, но как?

Приехав в деревню и попробовав обед, повернулась к толпе и говорю:

«Ваш кухарь занят другим делом, он торгует лошадьми», – сказала, где и как я его видела. – Дело его, чем он хочет заниматься, но в столовой он не останется и одного дня. Поэтому вы должны сегодня же, как я уеду, вобрать на его место другого и завтра я буду говорить с новым».

По выражению лиц и по нескольким словам, долетевшим до меня, я почувствовала полное одобрение моего поступка, но в тоже время проглядывал какой то страх, какая то тревога. Все это окончательно убедило меня, что его вся деревня боится, и все они в его скверных руках.

Приезжаю завтра и вижу, что у них что-то неладно: все растеряны, напуганы, а на мой вопрос кого выбрали полное молчание. Спрашиваю второй раз и получаю чуть слышный ответ: «Не выбрали, никто не хочет идти».

«Как!» – удивилась я. – Никто не хочет заработать денег и быть сытым со всей семьей? Значит, голода в этой деревне нет, и столовые не нужны. Свою столовую я закрою сейчас же. Будет закрыта и Краснокрестовская». Им было известно о передаче Земским заведывания этой столовой сначала Никоновой, затем мне.

Хорошо понимая, что население боится его, знает, что я у них временно, а он с ними всегда, а отсюда страх трогать его, я таким решительным шагом хотела заставить их устранить своего мучителя, и я не ошиблась. Уезжая, все же сказала, если им столовая нужна, должен найтись и желающий работать, а этот все равно ни под каким видом не останется.

Желающий, конечно, нашелся, был выбран и дело пошло хорошо.

Интересно передать мне свидание с уволенным кухарем.

Когда я, окончив дела, уезжала совсем от них и ко мне во двор собрались люди из всех ближайших деревень, пришел и устраненный кухарь. У меня невольно вырвалось: «Зачем он пришел?» Он ответил, что то в таком роде: «Пришел попрощаться и сказать тебе спасибо, как и другие все».

На это я при всех спросила: «А я бы хотела знать, права ли я была, удаляя его?» «Прав», – ответил он.

Если кто из других деревень не знал о нашей неприятности, узнал все после моего отъезда.

Второй случай с поставщиком муки. Заявляет он мне как то, что должен прибавить 5 коп. на пуд ржаной муки. Раньше я платила 80 коп. Это был татарин, кажется, из той деревни, где жила я или соседней. Словом, человек из тех мест, где люди голодали. Ответила я, что и гроша не прибавлю. Он стал уверять, что только для меня «прибавляет так мало, с других будет брать больше». Я стояла на своем. «Другим будешь платить не 85, а 95, – говорит он. «Другим, если придется, дам и больше, а тебе не дам, – ответила я. Мой ответ его очень удивил. «Зачем такое говоришь? – спросил

он удивленно.

Тогда я стала толковать ему, как скверно наживаться на голодных людях. Ведь на лишние деньги, какие я переплачу тебе, можно кормить лишних людей. Скверный человек делает так, как ты, а если обирать своих же односельчан, то такому человеку и названия нет. Не помню хорошо, когда он сдался. Кажется, временно я посылала своих помощников в другие места за мукой, но хорошо знаю, что ему не прибавила и некоторое время его не видела.

А встретились мы при следующих обстоятельствах. Почти всегда я ездила одна, без кучера. На этот раз мне надо было заехать в одну деревню за моей помощницей, и мы запоздали. Наступал вечер, надо было спешить, а тут случилась какая то авария с запряжной: дуга свалилась, что-то из упряжки мы потеряли, и лошадь стала. Словом, поправить дело было не в наших силах. Положение аховое; предстояло провести ночь в степи, т.к. за поздним временем проезжающих ждать уже было трудно.

Но скоро вдали показались лошади и повозка, а затем в ней узнаем нашего врага, поставщика муки. Помню, я успела шепнуть своей спутнице: «Его помощи я и просить не стану». Поравнявшись с нами, он спросил: «Что, барышня, поломался? Что будешь делать теперь?» «Будем ждать утра, когда поедут люди и помогут нам», – ответила я. Он погнал лошадей, но очень скоро, остановил их, соскочил, подошел к нашей повозке, молча впряг лошадь и молча пошел к своей повозке.

Третьему и последнему тоже не удалось получить ничего. Как-то мулла, который был всегда моим советчиком, он старался оказать помощь в чем мог, ничего от меня не получая. Тут он попросил починить избу, где учатся татарские дети и предложил мне самой посмотреть и убедиться, что бедные ребята мерзнут и болеют. Я, конечно, пошла с ним и увидела помещение годное разве только для коровника, а никак не для школы: печка совершенно развалилась, топить нельзя; пол так прогнил, что местами дыры, наружная дверь плотно не запирается. Словом, для детей гибель, а не школа – «мэдресэ» по-татарски. Обстановка удивительная. Ни парт, ни столов и скамей нет, а лежит длинная доска, лежит, упираясь одним концом во что-то высокое, другой конец доски гораздо ниже, почти на полу. Ребята должны сидеть на полу и распределяться по росту, т.е. малыши у самого конца доски, и дальше чем выше ученик, тем ближе к началу доски.

Стали мы с муллой высчитывать, во сколько обойдется починка самого необходимого. По его расчету получилось что-то 20 руб. с лишним.

Когда мы шли смотреть школу, за нами по деревне потянулись любопытные. Пошел, значит, слух, что будут чинить школу. Сейчас же явились желающие с предложением своих услуг. Один из них заломил плату чуть

ли не в 10 раз больше, чем подсчитал мулла.

Я, конечно, отказалась от таких услуг, послала за муллой и сказала, пусть он сам делает, как знает с починкой, а я посмотрю и заплачу не больше высчитанного. Он взял двух поденщиков, купил доску для латок на пол и дверь, а также кирпич. Все и обошлось около этого, как мы считали. Мулла за это от меня, кроме спасибо, ничего не получил, но был горд и очень доволен, что ребята больше мерзнуть не будут.

Сам он средств не имел, но и не голодал, Я все же хотела, уезжая, сделать для него что-нибудь. Среди вещей (старых), присланных для бедноты был прекрасный, почти новый мужской халат. Мы, помню, решали кому его отдать, и не решив такого вопроса, халат пока отложили. Тут я вспомнила о халате, и мне показалось, что мулле он более подходящий, чем кому-либо другому. Так и сделали. Конечно, ему халат понравился, и он был вполне доволен.

Поездка на голод была моим первым отклонением от работы по народному образованию и единственным связанным с отъездом из Севастополя на несколько месяцев. Приходилось и после оказывать помощь в других делах, но уже не уезжая, не оставляя работы с библиотеками, которая для меня всегда была первым моим делом.

Видя какую громадную помощь оказал Севастополь на голоде, мы с Никоновой решили использовать тот же путь для оказания помощи своему населению устройством в Севастополе яслей для ребят до 7-ми лет, матери которых работали поденно, а дети дома без всякого призора.

Удалось создать и ясли. Очень скоро явился желающий отдать свой небольшой дом для такой цели. Это был совершенно одинокий старик, он задумал уйти в монастырь, а тут как раз прошел в городе слух о желании Общества открыть ясли и о сборе денег для этой цели. Уезжая из Севастополя совсем, он отдал свой дом Обществу, открывавшему ясли, и уехал, пожелав умолчать о своей фамилии.

Тогда его фамилия, конечно, была известна заинтересованным лицам в делах яслей и тем, кто от Общества совершал с ним бумаги, но широкого разглашения он не желал. Но так как мало известный человек был жителем города, то о нем скоро забыли и те, кто знал его фамилию.

С получением дома дела наладились быстро. Часть обстановки нам дала одна интеллигентная старушка Н.Е. Макрухина⁹⁴, она же дала и небольшую сумму денег. Когда-то сама она пыталась создать приют для беспризорных ребят, но старость и болезнь помешали ей справиться с такой

задачей, и приют она закрыла. Узнав же о появлении той же мысли среди нас, она откликнулась и оказала свою помощь, чем могла.

Примкнули к начинавшемуся делу люди более свободные нас двух, и когда ясли были уже открыты, и работа шла полным ходом, мы обе оставили там работу, не прерывая связи с делом. Когда являлись какие-либо вопросы, нас всегда приглашали на заседания. Открыты ясли весной 1901 г., закрыты в начале 1921 г. Просуществовали они 20 лет, принося большую пользу населению. Содержались ясли на собранные деньги, а в 1917 г. помогало Городское самоуправление. Для заведования яслями была выбрана Е.П. Данилова⁹⁵, конечно, бесплатно.

Во время японской войны в 1904 г. ко мне обратился член Ялтинской Земской управы с просьбой взять на себя ежемесячную раздачу денежной помощи семьям призванных из запаса, проживающих на Корабельной [стороне] (эта окраина относилась к Ялтинскому земству). Надо было произвести обследование этих семей с целью выявления материального положения и количества членов семьи призванного из запаса. Дело это было мне очень не по душе, но ввиду необходимости надо было взяться за него, тем более что время оно брало мало и тянулось не долго. Заручившись сотрудниками из того же библиотечного общества, я приняла на себя это дело.

Позднее же пришлось принять участие в работе Общества борьбы с туберкулезом, основанным врачами в 1908 или 1909 году. Среди врачей Городской больницы в 1899-1900 годах работал экстерном доктор Д.А. Гохбаум⁹⁶. Окончив медицинский факультет в Париже, он специализировался по легочным болезням. Ему принадлежит инициатива основания в Севастополе Общества борьбы с туберкулезом, подобие существующих тогда во Франции, в Германии и других культурных странах.

Этой идеей он заинтересовал старшего врача больницы С.А. Никонова⁹⁷, и в 1901 году они вдвоем прочли в Севастополе и Алушке публичные лекции о том, что такое чахотка и как с нею бороться. К ним присоединились и др. врачи: известный Севастопольский морской врач Н.М. Губарев⁹⁸, хирург больницы Л.А. Флеров, женщина врач Б.Д. Коган, женщина-врач Е.Л. Николаева⁹⁹, Р.М. Эфрон, О.А. Бялыницкий-Бируля¹⁰⁰ и многие другие.

Общество начало функционировать под названием Севастопольского общества борьбы с туберкулезом, и когда деятельность его распространилась на другие районы Крыма, его переименовали в Крымское общество

борьбы с туберкулезом. Правление находилось в Севастополе. Первым председателем был д-р Никонов, но очень скоро он был выслан. До его возвращения в 1906 году его заменял Губарев. А когда в 1907 г. Никонов был выслан вторично и опять заменил его Губарев, то он уже остался бессменным председателем до своей смерти, кажется, в 1920 году. Надо заметить, что Губарев был очень популярен в городе; его любили, уважали и относились с большим доверием.

Общество было учреждено на несколько лет раньше образования Лиги борьбы с туберкулезом и было, кажется, первым учреждением этого рода в России.

В 1904 г. в Севастополе было устроено Справочное бюро по вопросам туберкулеза, где за 1 рубль выдавались сведения о легочных пансионах, санаториях и курортах не только в России, но и во всей Европе. Была открыта амбулатория для легочных больных по типу диспансеров с посещением на дому и с бесплатной раздачей лекарств, термометров, дополнительного питания, а зачастую удавалось улучшить и жилищные условия больных, находящихся в тяжелых квартирных условиях. Многим оплачивалась квартира. Для выполнения всего этого при амбулаториях был создан Попечительный Комитет. В него вошло большинство из общественных деятелей. В Комитет врачами была выбрана и я. Работали там Данилова, Сосновская¹⁰¹, Зернова¹⁰², Флерова¹⁰³ и др. Меня, главным образом, привлекли работы в Комитете тем, что среди посетителей амбулатории много было ребят, страдающих костным туберкулезом. Для них в будущем предполагалось устроить специальную лечебницу на берегу моря.

В 1913 г. Грушецким¹⁰⁴ был подарен Обществу хутор, где и намечалась лечебница. Хутор находился вблизи города, в 1 ½ верст от моря. Кажется, десятин 5 земли, большой сад и громадный дом, где Грушецкий, как говорили, думал устроить помещения для дачников.

Вблизи была небольшая бухта с прекрасным пляжем и около соленое грязевое озеро. Здесь много лет назад была частная лечебница доктора Шмидта¹⁰⁵. Скоро началась война, потом, во время общей разрухи хутор был совершенно razoren, сад уничтожен, от дома остались лишь стены и т.д. Говорили, что в разорении принимали участие живущие вблизи.

Имея в виду в будущем специальную лечебницу для больных ребят, временно постановили каждое лето устраивать дневную детскую колонию на берегу моря. Был подходящий берег около Севастополя, называвшийся «Учкуй». Принадлежал он тогда доктору Бируле. На этом пляже и пришлось остановиться. Бируля, будучи сам членом Об-ва Б. с Т., охотно принял наших маленьких колонистов, и оказывал свою помощь всегда,

когда требовалась детям немедленно медицинская помощь; жена доктора Екатериева¹⁰⁶ И.Л. много помогала, как в устройстве хозяйственной части, так и в добывании средств. Налажено дело было так: врачи амбулатории распределяли детей на две группы, чтобы дать возможность всем больным провести хоть часть лета на пляже.

Рано утром ребята собирались на пристани, где их встречала воспитательница и одна из нас, членов Комитета. На городском катере их перевозили на Северную сторону (часть города по другую сторону бухты), откуда на линейках доставляли их в «Учкуй» (1 ½ версты), где ждал ребят завтрак.

Песочная бухта, где в конце XIX – XX вв. размещалась грязелечебница доктора Е.Э. Шмидта.

Там была устроена летняя кухня и жила кухарка. Для укрытия детей от сильных ливней и вообще непогоды имелась палатка и нечто вроде барака (ящик для аэроплана с прорезанной дверью и окнами). Там жила кухарка и хранилась посуда и др. вещи. С наружной стороны барака были пристроены навесы, а под ними находились столы и скамьи, это заменяло столовую. Кормили детей несколько раз в день.

Большинство проводило время в играх на песке у самого моря. Некоторым врачи разрешали купаться, а более слабые, тоже по предписанию врачей, должны были лежать на солнце в песке.

Вечером приезжали линейки и, после ужина, ребят доставляли в город. Результаты пребывания больных на пляже оказались прекрасными: дети все прибавили в весе, окрепли, стали много бодрее; которые с трудом передвигались с места на место, начали ходить много свободнее.

Следующее лето предполагалось использовать гораздо шире, т.е. дать возможность большому количеству больных привести лето на пляже, а также и тем, кто пользовался пляжем прошлое лето, чтобы лучше закрепить их поправку.

На следующее лето был 1914 год. С началом войны перевернулось все. Первая очередь успела пробыть свой срок, вторую собрать не пришлось. Явилось запрещение военного ведомства собирать детей на берегу моря. Объяснялось это близостью батарей.

Всю организацию пляжа и дежурства во время пребывания ребят на пляже взяла на себя несколько членов Комитета, а именно В.П. Зернова, А.В. Флерова и А.С. Бальзам. Другие члены Комитета несли остальную работу в амбулатории.

Во главе амбулатории стоял и активно работал до конца своей жизни Н.М. Губарев. Закрылась амбулатория при советской власти. Инвентарь перешел в Здравотдел. В 1924 г. был открыт Тубдиспансер уже за счет Здравотдела.

Было и еще прекрасное учреждение, созданное Обществом борьбы с туберкулёзом, приносящее громадную пользу малоимущим больным, а иногда и совсем неимущим. Это Лименский пансион, открытый Обществом в арендованном имении Пономарева на южном берегу Крыма около Симеиза, вблизи Ялты. Место, защищенное от Северных и Восточных ветров, с прекрасным видом на море, представляло необыкновенно красивый уголок. Собственно это был небольшой санаторий на 20-22 человек. Плата самая минимальная и всегда имелось 2-3 места бесплатных.

Для заведования пансионом была выбрана Е.П. Данилова, заведовавшая раньше яслями. Живя несколько лет в пансионе, она работала совершенно бесплатно. Данилова полюбила это дело и вкладывала в него все свои силы, а зачастую и личные средства.

Ей принадлежала и инициатива завести сношения с некоторыми богатыми людьми Москвы. Познакомься с ними, она сумела заинтересовать их своим делом так, что они не раз пересылали довольно крупные суммы денег, чтобы только поддержать такое полезное начинание. Один из них, если не ошибаюсь, Попов, дал 40 тыс. для выкупа имения. Выкупив имение в собственность, Общество стало окончательно ни ноги. Предполагались различные достройки, улучшения и т.д. С началом войны это дело, как

многие тогда, было прервано.

Осенью 1914 г., когда по Черному морю стал гулять германский крейсер «Гебен» и делать налеты на города (он обстрелял Севастополь, Ялту и др.), понятно, что все больные спешно выехали и пансион закрылся. Е.П. Данилова не уехала. Вначале она думала, как и многие тогда, что война скоро кончится и больные вернуться. Позже, когда думать так уже не приходилось, она считала себя не вправе бросить все имущество Общества на произвол судьбы, она оставалась со сторожем и его семьей. Уехала оттуда, кажется, в 1919 г., когда было вывезено как все имущество Общества, так и принадлежащее ей лично. [См. прилож. к ст. 12-й]

Добавление к листу 12-му

Идея создания Общества борьбы с туберкулезом, как сказано раньше, принадлежала доктору Гохбауму, а осуществление ее и все дальнейшее сделанное Обществом явилось только благодаря доктору Сергею Андреевичу Никонову. Гохбаум, как неизвестный в городе человек, не мог бы ни организовать Общества, ни делать те колоссальные сборы денег, какие производились в Севастополе, а также Петербурге и Москве (В Петербурге делали сборы Варвара Конради¹⁰⁷ и Амалия Фердинандовна Арцеулова¹⁰⁸). Никонов же был слишком хорошо известен населению города, как прекрасный врач и исключительно хороший человек.

*В.Ф. Конради (слева) и
А.Ф. Аршаулова, урожденные Кист*

Сергей Андреевич появился в Севастополе в 1897 году. Раньше, еще в детстве, он жил в Севастополе. Это было, когда его отец, моряк будучи адмиралом, был назначен в Севастополь Градоначальником¹⁰⁹, где пользовался хорошим отношением населения и память о нем сохранилась в городе на многие года.

После переезда Сергея Андреевича в Петербург, он не раз приезжал в Севастополь, будучи студентом-медиком, т.к. там у него оставались друзья и приятели. С поступлением в Университет, он попал в революционные кружки и подвергался различ-

ным гонениям, как обыскам, так и аресту в 1887 г. вместе с женой. Привлеченный по большому делу о пропаганде среди военных, был выслан в Минусинск на 4 года. Жена добровольно последовала за ним в ссылку.

В этом же году несколько раньше Сергей Андреевич участвовал в заговоре 1-го марта 1887 года вместе с Александром Ильичом Ульяновым¹¹⁰, и если не разделил его участи, то только благодаря аресту раньше по другому делу. По окончании ссылки Сергей Андреевич уехал в Париж для окончания учения. Через год поехала к нему и жена. Окончив Университет в Париже, он вернулся в Россию и скоро приехал в Севастополь и поступил ординатором в Городскую больницу, а затем был выбран в той же больнице старшим врачом.

Живя в Севастополе, Сергей Андреевич в культурных делах мог принимать участие лишь деньгами. На работу активную его уже не хватило. Много времени брала больница, его детище, а так же партийная работа. Как медицина, так и партийная работа, увлекали его всего более, и в них он уходил с головой.

Надо сказать, что больница сильно расширилась и увеличилась за время пребывания в ней Сергея Андреевича. Был выстроен прекрасно оборудованный хирургический барак, которому могли бы позавидовать и большие города. В этих улучшениях большую услугу оказал бывший тогда Городской голова Алексей Андреевич Максимов, человек вполне порядочный и с очень хорошей головой. Я уверена, что школы и больницы Максимов ставил бы и сам на первое место, без всякого давления, понимая насколько это необходимо населению. В тех затратах, какие были сделаны на больницу, несомненно имело значительное место его личное отношение и доверие к Никонову. Если Сергей Андреевич находил необходимым какое-либо улучшение для больницы, Максимов¹¹¹ добывал деньги у богатых жертвователей и делал все нужное. На средства города, конечно, нельзя было бы создать хирургического барака, какой построен в Севастополе и назван в память давшей на него деньга Исаковой¹¹² – Исаковским. Никонов

С.А. Никонов

же нашел в Петербурге прекрасного хирурга Л.А. Флерова и уговорил его переехать в Севастополь.

В эсеровской партии Сергей Андреевич был крупной единицей, а в Севастополе наибольшая роль принадлежала ему. Около него и его жены обычно группировались все местные эсеры, молодежь и приезжающие. Кроме того, оба они отличались большой добротой и стремились являться на помощь человеку. Поэтому в доме у них всегда находили уют все нуждающиеся в нем. Зарабатывая много, Сергей Андреевич и раздавал немало. Нечего и говорить, что вся беднота всегда шла к нему лечиться бесплатно.

Из Севастополя Сергея Андреевича высылали не раз, но куда бы судьба их не закинула, они всюду приобретали любовь и уважение населения.

В первый раз выслали Сергея Андреевича в Архангельскую губернию в январе 1904 г., а уже в конце 1905 г. в городе заговорили о том, что надо хлопотать о его возвращении. В октябре он вернулся и занял свое место в больнице. Надо сказать, что высылка С.А. подняла в городе большой шум, чем доставили администрации большие неприятности. Началось в больнице с завхоза Голикова¹¹³, у которого сделали обыск и устранили от должности, а на его место назначили человека, указанного жандармерией. Никонов и другие врачи возмутились таким нарушением прав больничного Совета, выбиравшего обычно заведующего хозяйством, и решили оставить больницу.

Кроме Никонова, ушли врачи Л.А.Флеров и Николай Иванович Потапов¹¹⁴. Ушли также фельдшерицы, сиделки и 4 служителя, всего 16 человек, кроме Голикова и арестованного фармацевта Канторовича¹¹⁵.

Сергей Андреевич был арестован и выслан этапным порядком. Выслав Никонова, администрация на его место назначила д-ра Мертваго¹¹⁶, чем были нарушены уже права Городской Управы, т.к. по закону старший врач избирался Управой, администрация лишь утверждала выбранного. Большая часть культурного общества порицала довольно открыто такой факт, и так вообще реагировала на поступок врача, согласившегося взять выборное место по назначению, что оставаться на месте Мертваго было уже слишком неприятно, и он сам вышел в отставку.

Тогда Управа предложила Флерову место старшего врача. Хорошо помню ответ Флерова Городскому голове: «Согласен взять место Никонова до его возвращения». Управа согласилась, и Флеров был старшим врачом до конца октября 1905 года, т.е. до возвращения Никонова.

Вторая высылка Никонова была летом 1907 г. и опять в Архангельскую губернию, но на этот раз ему было разрешено ехать с семьей за свой счет. После этого Никоновы смогли вернуться в Севастополь только в 1917 году.

Как только произошел переворот, ко мне пришли просить адрес Сергея Андреевича (в это время он жил уже в Оренбурге). Спешно полетели телеграммы с просьбой вернуться в Севастополь. До его возвращения он уже был назначен Городским Исполнительным Комитетом комиссаром Временного правительства. Приехав в Севастополь, он сейчас же занял это место.

Спустя несколько месяцев собралась первая революционная Городская дума, где Сергей Андреевич был Городским головой. В последние годы он опять несколько лет работал в больнице до 1925 года.

Во время войны меня выбрали в Комитет Союза городов. Там я вошла в комиссию, ведающую просветительной работой в лазаретах. Комиссия устраивала лекции, чтения с фонарем, небольшие библиотечки для боль-

*Сотрудники Городской больницы. Снимок 1909 г.
В центре сидит К.П. Мертваго, справа от него Канторович.
Стоят слева: А.С. Шульц¹¹⁷, С.Н. Константинов¹¹⁸, Ходус¹¹⁹.*

ных и т.д. По инициативе поправляющихся больных приглашались преподаватели и велись правильные занятия по русскому языку и арифметике. Фонари и картины доставались в Лекционном комитете Черноморского флота. Лекционный комитет настолько широко поставил это дело, что у них была отдельная, специально для Комитета, квартира на бывшей Пе-

тропавловской улице. Несомненно, военный отдел картин был самый наибольший у них, отдела этого я не знала, но и научный так же был богато снабжен картинами.

Вот, например, что мы могли найти там: «О том, какого вида земля», «Вулканы», «Каменный уголь», «Стекло 24 кар.», «Соль 31 кар.», «Основные понятия о технологии металлов», «Жизнь моря», «Жизнь челове-

С.А. Никонов в архангельской ссылке. 1909 г.

ского тела», «Крым», «Кавказ», «Урал», «Степи Новороссии», «Великий сибирский путь», «Богатый край Малороссии» и многие другие.

И мы далеко не исчерпали весь материал, так как Комитет Союза городов работал лишь до марта 1917 года.

Лекторами являлись всегда учителя. Из них отмечу одного, как наиболее всех работавшего, им же велись всегда объяснения в детском кино. Это был преподаватель второй ступени, естественник Петр Николаевич Ушаков¹²⁰.

Вторым укажу Павла Дмитриевича Лескевича. Об этом выдающемся человеке среди военного мира надо сказать несколько слов. По своей подготовке и службе он был артиллеристом.

Узнала я его уже генералом в отставке, когда он работал во многих общественных делах. И вот, генерал этот в сюртуке на красной подкладке является всюду: читает лекции в лазаретах, в Народном доме и других местах, он же дает уроки в мужской воскресной школе, помогает в Бесплатной библиотеке при определении минералов, которые были кем-то подарен-

ны Школьному музею в не разобранном виде.

У себя дома за много лет он собрал богатую коллекцию минералов, которую в последние годы жизни сам передал в бывшее реальное училище, ныне школа Карла Маркса¹²¹. Книги, какие [имел] сам, отдал в Общественную библиотеку. В 1921 году 1-го Мая был чествован, как Герой Труда; во время голода и различных эпидемий умер в Городской больнице.

В Марте 1917 года Городским Исполнительным Комитетом, стоящим тогда во главе города, было постановлено организовать при Комитете Просветительное бюро с целью внести организацию и планомерность в дела распространения званий среди населения.

Я получила приглашение спешно организовать это бюро, причем давались точные указания из кого оно должно состоять.

Бюро собралось и вело свою работу в помещения Общественной библиотеки. Длилась эта работа несколько месяцев. В августе того же года созвана была первая революционная Городская дума, куда и перешли все функции Просветительского бюро.

За такой короткий срок сделать многого Бюро не могло, но кое-что сделано было: открыты читальни по всем окраинам в Народном доме, вечерние курсы для взрослых на Северной стороне, читались лекции на окраинах, на судах и в Народном Доме.

Составился при Бюро кружок лекторов, образовавшийся из учителей, юристов и общественных деятелей.

Скоро Бюро вынесло постановление войти в контакт с Ц.И.К., и рабочими порта. Совместно выписывалась новейшая литература для раздачи городскому населению, рассылки по деревням и отправки на фронт. Соединенное собрание постановило образовать Общественный университет, и в течение лета был прочитан курс лекций общеобразовательного характера.

П.Д. Лескевич. Фото 1905 г.

Первая революционная Городская дума собралась в начале августа 1917 года.

Я была в числе гласных. Женщин выбранных было лишь две, вторая – Н.В. Никонова. Шла я работать в Думу с большой охотой, будучи уверенной, что от Думы будет зависеть многое, а, следовательно, у нас будет возможность делать все для школ, библиотек и вообще поставить хорошо народное образование. Такой взгляд был не только у нас, входящих в Думу, а у большинства, считая, что раз сняты запреты, связывающие людей руки, то надо только работать и двигать общее дело.

Вообще надо заметить, все тогда смотрели на многое сквозь розовые стекла, особенно в первое время после переворота.

В Думе я вошла в Комиссию по народному образованию, состоящую из небольшого количества людей, но почти одинаково глядевших на вопросы народного образования. Необходимо упомянуть о том, как и кто выдвигал меня в число гласных. Когда меня пришла предупредить, что выдвигает меня эсеровская партия, я удивилась, т.к. партийной никогда не была и дальше не буду. Это я и высказала, но мне ответили, что партия это знает и все же выставляет меня. Я, конечно, согласилась и пока была в Думе, числилась в эсеровской фракции.

Председателем Комиссии выбрали Николая Ильича Емельянова. Это был человек умный, способный и вполне культурный. Старый народоволец, сильно выдвинувшийся в 1905 г. в октябрьские дни. В молодости пытался быть учителем в начальной школе, потом был на медицинском факультете, но, кажется, с 4-го или 5-го курса бросил университет и ушел добровольцем в Сербию в 1876 году, где работал в качестве фельдшера. Вернувшись, засел в деревне и почти всю жизнь прожил в имении своих приятелей в Крыму, в деревне Бурлюк¹²², заменяя там управляющего (Имение в 25 верстах от Севастополя).

В 1905 г. много работал среди Народных депутатов в Севастополе, а в 1907 г. был выбран от Севастополя в Государственную Думу. Потом несколько лет жил в Петербурге и Москве. Сидя в больших центрах, оказывал немалую помощь Общественной Библиотеке. К этому делу он относился всегда очень сочувственно и горячо, был в числе той группа, которая организовала Общественную библиотеку, и был выбран в первый комитет этой библиотеки. Помощь его в нашем деле заключалась в следующем: он связал наше Общество с лучшими издательствами Москва и Петербурга, откуда мы могли иметь книги с громадной скидкой, а зачастую и в рассрочку. Следил за выходящими новинками и немедленно давал знать в Севастополь. В начале 1917 г. вернулся в Севастополь и уже до смерти оставался

на работе по Народному образованию. Сначала работал в Городской думе, после в Наробразе. Умер летом 1924 года. В мае 1921 г. был чествован как Герой Труда.

Между прочим, хочу упомянуть, что Емельянов был первым моим учителем, когда мне шел 7-й год. Он совсем юношей приехал в Севастополь и сейчас же был приглашен преподавателем во вновь открывающуюся Реальную школу.

Как сказала раньше, Комиссия состояла из небольшого количества лиц (8 человек). Очень скоро Комиссия, с согласия Думы, постановили расширить комиссию путем выборных от учителей 1-й ступени, 2-й от дошкольного и внешкольного образования.

Работая в Комиссии Народного образования, мы, прежде всего, обратили внимание на школы 1-й ступени. До этого времени много ребят оставалось ежегодно за бортом школы за неимением мест. Чтобы окончательно ликвидировать такую ненормальность пришлось прибегнуть к очень нежелательному средству: образовать двухсменные занятия во всех школах, что, конечно, сильно повысило количество учащихся.

Хорошо понимая весь вред таких занятий, мирились, будучи вполне уверенными, что продлится такое положение самое короткое время. Считалось, что в первую очередь начнется стройка школ, и будет их [столько], сколько окажется нужные. Дума имела ввиду, прежде всего, поставить хорошо школы и больницы.

Но первое, с чем пришлось Думе столкнуться – это полное отсутствие средств. Сделать можно было лишь самую малую часть всего намеченного. Да и времени оказалось слишком мало, так как работа Думы первого созыва тянулась слишком мало времени (меньше года). Сейчас могу указать лишь то, что сделано по Народному образованию: Открылось на Корабельной [стороне] Высшее начальное училище и 2-е Реальное училище в городе, несколько площадок и детских садов, преимущественно на окраинах.

С помощью Комиссии осуществилась давно назревшая потребность

П.И. Емельянов

дать возможность окраинам иметь библиотеки. Как мною указано раньше, в 1918 г. в феврале открыта библиотека на Корабельной, а через несколько месяцев и на Рудольфовой горе.

Была оказана помощь Обществу Народного университета при открытии Народного университета. Дума предоставила для этой цели прекрасное здание. Это был большой, только что отстроенный дом для начальника Севастопольского порта.

В более тяжелое время комиссия открыла бесплатную столовую для школьников всего города. Средства на столовую Комиссия, с разрешения Думы, собирала ежемесячно. Устраивались экскурсии под руководством специалистов. Городская дума поддерживала все постановления Комиссии по народному образованию. Она охотно давала деньги для такой цели в пределах возможного, и если не удалось ей сделать многого, то исключительно из-за полного отсутствия средств.

Не удалось и другим, стоящим во главе Народного Образования и до сих пор построить необходимое количество школ, поставить всех учащихся в нормальные условия. Прошло уже 8 лет и все же дети остаются в том же положении¹²³. Причина одна и та же – безденежье, которое еще долго будет тормозить многое. Я оставалась в числе гласных Думы до окончания полномочий 1-й Думы. Дальше, с половины 1918 г. и до 1 июня 1924 г. работала уже исключительно только по библиотечному делу в Бесплатной [библиотеке] до присоединения ее к Общественной, в последней, названной тогда Центральной, до 1924 года включительно. Работа моя по библиотечному делу тянулась почти 30 лет.

Слишком много работы вызвало соединение двух библиотек в одну в 1921[?] году. Переделка каталога, переход на новую систему (десятичную). В это же время начались и собрания городских библиотекарей. Тогда же при Центральной открылся Передвижной отдел; он должен был снабжать книгами заводы, деревни и все поселки, лежащие вблизи городов.

Правда, для работы в Передвижке было взято два новых сотрудника, из которых один назывался заведующим Передвижным отделом, но общий надзор и вся ответственность лежала на заведующем Центральной библиотекой.

Очень скоро при Центральной библиотеке начало работать Объединение, собрание не только работников городских библиотек, но сюда же входили и балаклавские библиотеки, все деревенские работники и от военных частей.

Все такие собрания увеличивали работу заведующего Центральной библиотекой, тем более что на нем лежали и отчетность всех окружных

библиотек. Ежемесячно он обязан был собирать отчеты о деятельности каждой библиотеки, соединять их в один общий для отправки в Окружной отдел народного образования в Симферополь (Эти отчеты не касались военных библиотек).

Заведующей Общественной библиотекой я была выбрана, кажется, в 1914 г. членами своего Общества.

Позднее, когда по желанию всего Общества, библиотека передана Городскому самоуправлению, я оставалась заведующей на службе у города. Во время гражданской войны, при переходе власти из руки в руки, всегда оставалась на своем месте, и даже во время немецкой оккупации.

Оставалась заведующей и при приходе Советской власти в 1920 году. Работала до июля 1924 года.

В 1921 году 1-го мая была чествована, как Герой Труда, на что имеется удостоверение.

А. Бальзам

Комментарии

- ¹ **Евгений (Елевферий) Булгарис** (1716-1806), греческий православный богослов. Преподавал на Афоне и в Константинополе, затем в Германии и России, где в 1775 г. Екатерина II назначила его архиепископом новооткрытой епархии Словенской и Херсонской. По одной из версий новая крепость и город на юге России названы Екатериной II Севастополем по предложению архиепископа Евгения Булгариса.
- ² **Бальзам Дмитрий Егорович** (1771-25.07.1831), 15.03.1787 поступил кадетом в корпус чужестранных единоверцев. Произведен в мичманы 29.01.1791 с переводом из Балтийского в Черноморский флот, где прошла вся его дальнейшая служба. Участник сражения при мысе Калиакрия 31.07.1791. В 1795-1820 находился в плавании по Черному и Средиземному морям, командуя различными кораблями. В 1798-1802 участвовал в архипелажской кампании, при овладении островами Цериги, Св. Мавро, крепостями Корфу и Анкона. Произведен в капитаны 2 ранга 19.04.1816, в 1816-1819 – в крейсерских плаваниях по Черному морю, в 1820-1821 находился при Севастопольском порте, в 1822-1824 командовал кораблем «Скорый». Произведен в капитаны 1 ранга 09.08.1823. В 1825 назначен командиром 41 флотского экипажа. В 1826 находился в Николаеве. В 1827-1828, командуя 110-пушечным кораблем «Париж», плавал по Черному морю, участвовал во взятии Анапы. 01.10.1828 произведен в контр-адмиралы, с 1829 находился при Севастопольском порте. Скончался 25.07.1831 «от апоплексического удара» в возрасте 60 лет, погребен на Севастопольском городском кладбище, памятник не сохранился.
- ³ **Бальзам Елена Ивановна** (1794?-15.09.1832), дочь отставного прапорщика И.П. Папалекси. Скончалась от чахотки в возрасте 38 лет, похоронена на севавтопольском городском кладбище, памятник не сохранился.
- ⁴ События Чумного бунта в Севастополе относятся к 1830 году.
- ⁵ **Бальзам Феодосия Спиридоновна**, урожденная Ханджогло (18.01.1827-06.04.1913).
- ⁶ **Ханджогло Елена Феодосьевна**, урожденная Ревелиоти (1800 - после 1833).
- ⁷ **Ханджогло Спиридон Иванович** (1777 - после 1839), 02.06.1788 поступил кадетом в корпус чужестранных единоверцев, в 1797 окончил Морской корпус, произведен в мичманы. В 1797-1804 служил на Балтике, после чего был переведен в Черноморский флот, где командовал различными кораблями. В 1813-1814 находился при Николаевском порте. Вышел в отставку в чине капитана 2 ранга 20.01.1816.
- ⁸ **Ревелиоти Мария Павловна** (1773-?), урожденная Клендо.
- ⁹ **Ревелиоти Феодосий Дмитриевич** (1765-1848), уроженец г. Триполици острова Мореи, активный участник русско-турецких войн конца XVIII – начала XIX века. На русскую службу поступил 20.10.1787 прапорщиком в Гребную флотилию, действовавшую в Средиземном море; произведен в поручики 20.05.1791, переведен в Греческий пехотный батальон 31.01.1797 с награждением капитанским чином. С 1807 по 1830 был командиром Балаклавского Греческого пехотного батальона. 05.06.1829 произведен в генерал-майоры, в 23.10.1830 уволен от службы «за ранами». Один из крупнейших землевладельцев Крыма первой половины XIX в.
- ¹⁰ **Дергачева Александра Спиридоновна** (1821?-22.08.1873), урожденная Ханджогло, замужем за Василием Ивановичем Дергачевым (1814-12.02.1870), подполковником по адмиралтейству в отставке (1859), участником обороны Севастополя 1854-1855 годов. Владела хутором под Севастополем – 205 десятин земли и сад.
- ¹¹ **Бальзам Спиридон Дмитриевич** (1821-27.05.1867), капитан 2 ранга. В 02.05.1832 поступил кадетом в Морской кадетский корпус, из которого 08.02.1838 переведен в

- унтер-офицеры 3-го класса в 6-ю артиллерийскую бригаду Корпуса морской артиллерии Черноморского флота. Участвовал в десантных операциях на кавказском побережье при занятии местечек Туапсе, Субаши и Псезуап. 07.06.1839 за отличие произведен в прапорщики, 06.12.1839 за отличие переименован в мичманы. В 1841-1845 на линейном корабле «Гавриил» и шхуне «Дротик» крейсеровал у абхазских берегов, 07.04.1846 произведен в лейтенанты. В 1846-1848 состоял при Севастопольском порте, 28.09.1849 назначен ассессором комиссии военного суда при Севастопольском порте. В Крымскую войну состоял в гарнизоне Севастополя с 13.09 по 29.12.1854, но «по случаю тяжелой болезни отослан в Николаев». 26.08.1856 за отличие произведен в майоры по адмиралтейству, назначен 08.10.1857 и.д. управляющего комиссариатской экспедицией Черноморского интендантства. 06.01.1858 переименован в капитан-лейтенанты с оставлением в занимаемой должности. Член совета директоров Николаевского благородного собрания. 04.04.1860 после преобразования портовых управлений, назначен начальником комиссариатской части Николаевского порта. 01.01.1864 произведен в капитаны 2-го ранга. С 04.11.1865 командир брандвахтенной шхуны «Опыт». Умер 27.05.1867 после 2-х месячной скоротечной чахотки. Похоронен на севастопольском городском кладбище. В 2006 его потомки – А.Л. и Л.А. Ротгольцы восстановили разрушенное надгробие.
- ¹² **Бальзам Иван Дмитриевич** (18.02.1826-27.04.1891), контр-адмирал в отставке, участник обороны Севастополя 1854-1855; в 1854 на корабле «Ростислав» находился на Севастопольском рейде, после затопления корабля с 13.09.1854 по 18.08.1855 сражался на 4-м бастионе и Ростиславском редуте; награждён орд. Св. Анны 3 ст. с бантом за отличие, проявленное во время первой бомбардировки города союзниками 05.10.1854 и орд. Св. Владимира 4 ст. с бантом за героизм при защите города и отражении штурма 06.06.1855. Похоронен на Братском кладбище. Памятник не сохранился.
- ¹³ В письме Г.И. Бутакову, под началом которого когда-то служил С.Д. Бальзам, его жена писала о преследовании мужа после отъезда Бутакова, упоминала долг казённый и частный более 10000 рублей, расстроены имена.
- ¹⁴ **Емельянов Николай Ильич** (1848-1924). Студентом медицинского факультета Киевского университета принимал участие в качестве врача-добровольца в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. в Болгарии. В конце 1870-х работал управляющим имением Бурлюк на р. Альме под Севастополем, принадлежавшем С.К. Беловодской, с этого времени был связан с народовольческими кружками, был в близких отношениях с С.Л. Перовской, М.Н. Тригоны, П.А. Теллаловым и др. Неоднократно подвергался обыскам и арестам. 19.10.1905 был избран депутатом Севастопольского Совета, в 1907 – членом Государственной Думы от Таврической губернии по списку партии социалистов-революционеров. В 1917 входил в руководящее звено городской организации партии социалистов-революционеров, избирался гласным городской думы, заведовал отделом народного образования. В 1922 ему было присвоено звание Героя труда. Умер в севастопольской больнице в конце лета 1924.
- ¹⁵ **Зотова Анна Захаровна**, урожденная Панютина, родилась в Севастополе в семье морского офицера. Окончила Николаевский институт в Санкт-Петербурге. В октябре 1865 была избрана начальницей Феодосийской гимназии, где служила около 5 лет до замужества, а затем с 1874 по февраль 1880 была преподавателем различных предметов в школе и «Детском саду» Арендта в Симферополе. С 06.03.1880 на протяжении 30 лет возглавляла севастопольскую казенную женскую гимназию. Выехала из Севастополя 10.10.1900. Брат её – участник обороны Севастополя 1854-1855 отставной

- инженер-механик Владимир Захарович Панютин (1837-30.08.1890), похоронен на Братском кладбище.
- ¹⁶ **Феодосия Спиридоновна Бальзам** умерла 6 апреля 1913 г. и была похоронена вместе с мужем на старом севастопольском городском кладбище. Надпись на памятнике гласит: «Бабуся Бальзам 1827-1913 г.»
- ¹⁷ **Бальзам Константин Спиридонович** (19.05.1862-05.10.1887). Погиб в результате столкновения товаро-пассажирского парохода «Веста», следовавшего рейсом из Самсуна в Одессу, с пароходом «Синеус». Около 3 часов ночи «Веста» затонула у мыса Тарханкут со всем экипажем (34 человека).
- ¹⁸ **Ротгольц Феодосия (Фанни) Спиридоновна** (1851-05.07.1898), урожденная Бальзам. Замужем за врачом Д.М. Ротгольцем, городским головой Севастополя в 1876-1882.
- ¹⁹ **Бальзам Владимир Спиридонович** (31.03.1865-13.03.1908), надворный советник, старший чиновник особых поручений и инспектор по наблюдению за книжной торговлей, типографиями и заведениями Херсонского губернии, помощник правителя канцелярии Херсонского губернатора.
- ²⁰ **Бальзам Пелагея Спиридоновна** (04.05.1856-05.10.1914), учительница, в 1880-е вместе с сестрой Александрой Спиридоновной содержала частную школу для подготовки детей к поступлению в средние учебные заведения (ул. Малая Морская, дом Лашевича), учительница в бесплатной женской воскресной школе для взрослых Севастопольского благотворительного общества (1893), в последние годы жизни – народный учитель в сельской школе. Похоронена в Симферополе.
- ²¹ **Перовский Василий Львович** (1849 - после 1930), брат народоволки С.Л. Перовской, активный участник революционного движения. До 1889 в перерывах между арестами и ссылками проживал в имении матери Приморском. После продажи в 1889 имения жил в имении С.К. Беловодской в д. Бурлюк, где занимался хозяйством. В 1899-1903 управляющий имением генерала Попова в с. Васильеве Мелитопольского уезда. Автор воспоминаний о сестре, опубликованных в 1925 в журнале «Каторга и ссылка». В 1930 член и пенсионер Всесоюзного общества политкаторжан. А.С. Бальзам была хорошо знакома с В.Л. Перовским.
- ²² **Дейч Лев Григорьевич** (1851-1941), деятель российского и международного социалистического движения, один из лидеров меньшевизма, в 1883 г. принимал участие в создании марксистской организации «Освобождение труда». Автор воспоминаний и статей по истории освободительного движения в России.
- ²³ Цитируется по книге Группа освобождения труда: из архивов Г.В. Плеханова, В.И. Засулич и Л.Г. Дейча. Сборник № 4. – М.: Государственное издательство, 1926. – С. 58-59.
- ²⁴ **Ротгольц Давид Михайлович** (1838-31.12.1882), выпускник медицинского факультета Императорского Харьковского университета, севастопольский городской врач, врач городского уездного училища, статский советник. Владел хутором в трех верстах к западу от города, где открыл кумысолечебное заведение (1867). Два срока избирался городским головой Севастополя (1876-31.12.1882). Проводил в жизнь идею превращения Севастополя в главный торговый порт России на Черном море. В значительной степени благодаря его неутомимой общественной деятельности в городе, лежавшем в руинах после Крымской войны, началось устройство водопровода, сооружение гранитных мостовых, были построены в Южной бухте городские складочные магазины, разбиты бульвары и т.п. Скончался в Симферополе, похоронен на севастопольском городском кладбище.

- ²⁵ Устав Севастопольской бесплатной библиотеки-читальни был утвержден 21.03.1895, открытие состоялось 15.10.1895 г. Библиотека размещалась в доме Григоровича на ул. Большой Морской.
- ²⁶ **Усов Сергей Александрович** (1867-15.11.1827), муж племянницы А.С. Бальзам Ольги Давыдовны Ротголец (1876-1923), отец Юлии Сергеевны Гольцевой (1903-1986). Известный крымский общественный деятель, публицист, ученый. Уроженец г. Трубчевска Орловской губернии. Окончил Константиновское военное училище. Штабс-капитан (1900). До 1916 был журналистом, редактором, затем владельцем газеты «Южные ведомости». Являлся активным членом Таврического общества истории, археологии и этнографии, автором ряда работ по экономике, статистике, земельным отношениям в Крыму. С сентября 1916 до начала 1918 состоял особым уполномоченным Московского военно-промышленного комитета на Северном фронте. После ликвидации Северного фронта вернулся в Симферополь. В 1918 был избран гласным (депутатом) Симферопольской Городской Думы и членом Управы. С октября 1919 по ноябрь 1920 являлся симферопольским городским головой. Арестован 16.11.1920 Особым Отделом Реввоенсовета 6-й армии. Освобожден благодаря ходатайству симферопольских большевиков, доказавших следствию постоянную оппозицию Усова к белой власти, с учетом его выступлений в защиту преследуемых коммунистов. После освобождения проживал с семьёй в Москве.
- ²⁷ В июне 1900 кружок севастопольцев обратился в городскую управу с предложением возродить городскую библиотеку. Книги этой библиотеки находились в подвальном этаже летнего помещения городского клуба на Приморском бульваре. Кружок предложил бесплатное управление библиотекой, но просил город выделить помещение и некоторую сумму на пополнение библиотечного фонда. Уже в октябре того же года для библиотеки было нанято помещение в доме № 35 (Болончук) на ул. Большой Морской, комиссия приняла по акту книги от администрации летнего городского собрания, организационная комиссия приступила к составлению каталога книг и их нумерации. Новых книг было выписано на сумму свыше 500 рублей. 22.04.1901 библиотеку освятил член комитета библиотеки настоятель Петропавловской церкви протоиерей М.А. Бензин.
- ²⁸ Во время осады Севастополя в Николаев были вывезены все книги, оставались лишь газеты в читальном зале и документы Комитета директоров библиотеки первых лет её существования. После Крымской войны в Севастополе было открыто отделение Морской офицерской библиотеки. В 1867, в связи с сокращением Черноморского флота и упразднением Севастопольского порта, филиал был ликвидирован, Генеральный комитет Севастопольской морской офицерской библиотеки (в Николаеве) постановил передать всё имущество Севастопольского отделения библиотеки, кроме книжных шкафов, севастопольскому Благородному собранию. Однако, по просьбе севастопольских моряков, имущество библиотеки было передано не собранию, а группе живущих в городе морских офицеров, которые создали для этого специальное учреждение – Севастопольскую общественную библиотеку. Известно по документам, что эта библиотека действовала в Севастополе в 1868-1869, 1871, 1882, 1885 годах.
- ²⁹ Количество библиотек в Севастополе не ограничивалось городской общественной библиотекой. В 1902 в память 50-летия Н.В. Гоголя при севастопольской ремесленной управе открылась бесплатная библиотека-читальня, в марте 1902 градоначальник разрешил открытие частной бесплатной библиотеки на Северной стороне, в 1909 работала бесплатная народная библиотека на Корабельной стороне. Эти библиотеки закрылись, в основном, из-за отсутствия средств. В марте 1912 ялтинское земство

решило открыть на Корабельной стороне платную общественную библиотеку, причем во главе должен был состоять «особый комитет, состоящий частью из местных обывателей по выборам», но желающих в комитет не нашлось.

³⁰ Рудольфова гора переименована в гору Матюшенко.

³¹ **Баум Лев Робертович**, надворный советник, с апреля 1902 податной инспектор, севастопольско-балаклавского участка (до этого симферопольского участка), член Особого по городским делам присутствия и особого присутствия по обществам и союзам, председатель Севастопольско-Балаклавского расклада по промысловому налогу присутствия, старшина Севастопольского городского общественного собрания, председатель Хозяйственной комиссии Севастопольского особого комитета попечительства о народной трезвости, в ведении которого состоял Народный дом, располагавшийся на Базарной площади. В Народном доме помещались театр, столовая, чайная, читальня и юридическое бюро. В июне 1918 германским командованием Баум назначен правительственным комиссаром г. Севастополя.

³² **Лубенова Мария Федоровна**, дворянка, учительница Одноклассного начального земского училища, располагавшегося на Корабельной стороне на ул. Александроневской, 7.

³³ **Ягелло Георгий Денисович** (1864-?), потомственный дворянин, выпускник Елисаветградского кавалерийского юнкерского училища; с 1889 помощник библиотекаря Севастопольской Морской офицерской библиотеки, с 1905 учитель, затем заведующий мужской воскресной школой (ул. Екатерининская, 24). В 1917 член временного комитета партии народной свободы в Севастополе, избран кандидатом в гласные городской думы. На 1929 проживал в Севастополе.

³⁴ **Рожков Николай Александрович** (1868-1927), русский историк и политический деятель, автор трудов по русской истории, экономике сельского хозяйства России, экономической и социальной истории.

³⁵ **Кизеветтер Александр Александрович** (1866-1933), русский историк, публицист, политический деятель. В 1922 г. выслан за границу. В эмиграции продолжил преподавательскую деятельность. Председатель Русского Исторического Общества в 1932-1933 годах. Скончался в Праге.

³⁶ **Сакулин Павел Никитич** (1868-1930), российский и советский литературовед, доктор русского языка и словесности. Почётный член ГАХН (1927), академик АН СССР (12.01.1929), член-корреспондент АН СССР (01.12.1923), в последние годы жизни – директор Пушкинского Дома.

³⁷ В здании Казённой женской гимназия после 1920 г. располагалась школа № 7.

³⁸ **Уваров Михаил Семенович** (1856-1927), доктор медицины, санитарный врач, деятель общественной медицины. В 1881 окончил Петербургскую медико-хирургическую академию. В студенческие годы подвергался репрессиям за посещение революционного кружка. В 1883-1895 земский врач в различных губерниях. Автор более 100 научных работ по вопросам санитарной статистики, демографии, изучению заболеваемости населения, гигиене населенных мест, противозидемическим мероприятиям, бальнеологии, профессиональной гигиене. С 1896 работал в медицинском департаменте Министерства внутренних дел; редактировал «Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины»; преподавал на высших курсах при лаборатории П.Ф. Лесгафта общую и школьную гигиену. С 1921 зав. кафедрой общей гигиены Крымского медицинского института. С 1926 главный санитарный врач курортов Южного берега Крыма.

³⁹ Правильно – **Панпулов Александр Самуилович** (1894-?), инженер путей сообще-

- ния, сын Таврического и Одесского караимского гахама С.М. Панпулова. Учеником Константиновского реального училища посещал кружок молодежи у Н.В. Никоновой. Являлся членом руководящего ядра эсеровской организации в Севастополе, в июле 1917 избран депутатом Севастопольского городского Совета военных и рабочих депутатов от фракции эсеров, гласным Севастопольской городской думы, товарищем председателя Совета; был председателем продовольственного комитета Севастопольской городской управы. 23.08.1917 как инженер по поручениям управления начальника гидротехнических работ армии Западного фронта, чиновник военного времени, назначен на службу в Севастопольское крепостное инженерное управление. В ночь с 15 на 16.12.1917 арестован как «пособник контрреволюции», но вскоре освобожден. Во время немецкой оккупации в 1918 возглавлял продовольственную управу. В 1930-е годы работал инженером-гидротехником Водной секции Госплана СССР в Москве. Арестован 31.03.1931 по делу контрреволюционной вредительской организации в системе ирригации и мелиорации. Коллегией ОГНК приговорен к расстрелу, с заменой на 10 лет лагерей. Дальнейшая судьба неизвестна. Реабилитирован 08.01.1959.
- ⁴⁰ В своих воспоминаниях С.А. Никонов пишет о том, что А.С. Бальзам была выслана из Севастополя в 1923-1924 годах.
- ⁴¹ Частная школа А.С. Бальзам по подготовке детей к школе пользовалась популярностью среди севастопольской интеллигенции. Её воспитанниками, по воспоминаниям Ю.С. Гольцовой, были и дети севастопольского городского головы А.А. Максимова Пуся (Пульхерия) и Люба.
- ⁴² Усов С.А. Историко-экономические очерки Крыма. Прошлое и настоящее крым. сел. хоз-ва. – Симферополь, 1925. – XII, 319 с. [Примеч. Ю.С. Гольцовой].
- ⁴³ Севастопольское Благотворительное общество основано в 1870 году. В 1883 г. им был открыт приют для сирот девочек на 10 человек и богадельня для 10 калек, располагавшиеся в наёмном помещении на ул. Чесменской. В 1886 г. Благотворительное общество приобрело для приюта за 14 тыс. руб. дом адмирала А.П. Мессера на Херсонесской улице. В 1891 г. здание приюта было расширено и открыта женская воскресная школа.
- ⁴⁴ Мужская воскресная школа открыта 21.02.1893 в помещении городского училища (дом Сазонова).
- ⁴⁵ **Цакни Елена Константиновна** (02.11.1872-?), заведующая женской воскресной школой, классная надзирательница казённой женской гимназии, секретарь общества пособия недостаточным ученицам Севастопольской женской гимназии, член комитета Общественной городской библиотеки, член совета бесплатной народной библиотеки-читальни.
- ⁴⁶ **Бируля (Бялыницкая-Бируля) Екатерина Илларионовна**, учительница женской воскресной школы. Жена врача О.А. Бялыницкого-Бирули, владелица имения «Учкуевка», проживала ул. Синопская, 16/18.
- ⁴⁷ **Телятникова Мария Петровна** (31.05.1861-?), учительница; дочь севастопольского купца Петра Андреевича Телятникова, городского головы Севастополя в 1862-1873.
- ⁴⁸ Сведений нет.
- ⁴⁹ **Бирюкова Мария Сергеевна**, распорядительница бесплатной женской воскресной школы благотворительного общества, организованной её мужем, помощником инженер-механика Петром Пантелеевичем Бирюковым, умершим от чахотки 22.02.1894.
- ⁵⁰ **Стенстрем Мария Сергеевна**, учительница приходского с ремесленным отделением училища, член Ксенинского общества Севастопольских «Яс-лей» (1911).
- ⁵¹ **Силакова Екатерина Игнатьевна**, заведующая 1-го мужского приходского одно-

классного с ремесленным отделением училища.

⁵² Сведений нет.

⁵³ Сведений нет.

⁵⁴ **Лескевич Павел Дмитриевич** (12.01.1840-1920-е), дворянин; в 1859 окончил артиллерийское училище, служил в крепостной и полевой артиллерии. В 1891 назначен командиром 4-й батареи 13 арт. бригады, в 1893 – командиром 1 дивизиона 13 арт. бригады. В 1895 произведен в генерал-майоры с увольнением от службы. Общественный деятель, в 1905-1914 гласный Севастопольской городской думы, член врачебно-санитарного Совета при Городской управе, попечитель одноклассного начального земского училища, член хозяйственной комиссии Севастопольского особого комитета попечительства о народной трезвости, председатель Севастопольского отделения Российского общества защиты женщин. На свои средства открыл работный дом, где давали женщинам специальность швеи. В 1908 г. пожертвовал на учреждение библиотеки для больных, находящихся на излечении при городской больнице, 105 томов журналов и произведений разных писателей. Проживал в собственном доме на ул. Петропавловской, 48, где организовал частный геолого-минералогический музей. В советский период за заслуги в просвещении получал пенсию. Умер в 1920-е годы.

⁵⁵ **Фадеев Николай Иванович**, статский советник, преподаватель (1890), затем начальник железнодорожного училища (1905), избирался гласным Городской думы (1905).

⁵⁶ Сведений нет.

⁵⁷ **Фигуров Владимир Евграфович**, агент Северного страхового общества (1913), служащий городской управы – делопроизводитель строительного и технического отделов. В 1900 – заведующий вновь устраиваемой библиотеки на Корабельной стороне.

⁵⁸ **Никонова Антонина (Нина) Васильевна** (1866/1867-21.09.1941), урожденная Москопуло. Жена С.А. Никонова. Фельдшер, выпускница Бестужевских курсов в Петербурге, где училась вместе с Анной Ильиничной Ульяновой-Елизаровой. В июле 1907 выехала вместе с мужем (высланным в Архангельскую губернию) и сыном. В июне 1917 возвратилась с мужем в Севастополь, вела в городе активную агитационную работу. В июле избрана гласной городской думы по списку партии социалистов-революционеров. Арестована 21.06.1924 за «попытку к возрождению партии эсеров», лишена права проживания в Крыму. Умерла в Ленинграде.

⁵⁹ **В Совет Общества Севастопольской** бесплатной народной библиотеки-читальни входили Мария Абрамовна и Бронислава Абрамовна Браунштейн.

⁶⁰ Сведений нет.

⁶¹ **Рубанюк Петр Константинович**, титулярный советник, преподаватель шестиклассного городского училища.

⁶² Сведений нет.

⁶³ Известны: **Белевич Мария Ивановна**, учительница 1-го мужского приходского одноклассного с ремесленным отделением училища, и надворный советник Белевич Флегонт Павлович, преподаватель Севастопольского городского 6-ти классного училища, вероятно, муж и жена.

⁶⁴ Сведений нет.

⁶⁵ Лечебница для приходящих бедных больных открыла свою деятельность в доме Швериной на базаре 08.09.1893 с бесплатной выдачей лекарств. Активное участие в ее работе приняли флотские, армейские и городские врачи. 05.10.1903 лечебница отменила свое десятилетие в новом помещении в Тюремном переулке (здание бывшей тюрьмы).

⁶⁶ **Аргириди Дмитрий Антонович** (29.10.1851-07.06.1908), коллежский советник,

- старший врач 29 флотского экипажа; специалист по внутренним с венерическим болезням, член правления Крымского Горного клуба; один из основателей севастопольского общества врачей; старшина Морского собрания, старшина городского собрания, член ревизионных комиссий Благотворительного общества и Общества Дома трудолюбия. С 1906 в отставке. Скончался от воспаления лёгких, похоронен на Балаклавском кладбище, памятник не сохранился.
- ⁶⁷ **Холмская Мария Федоровна** (1868-?), одна из первых женщин-врачей в Севастополе, выдержала на женских врачебных курсах при Николаевском военном госпитале экзамен на право врачебной практики в России в 1882, вольнопрактикующий врач по женским и детским болезням, заведовала родильным покоем. В Севастополе работала до 1902?; в 1908 – вольнопрактикующий врач в Тюмени Тобольской губернии.
- ⁶⁸ **Коген Берга Давыдовна** (1864-?), женщина-врач, получила диплом лекаря в 1885. Работала в Бахчисарае городским санитарным врачом, вольноопределяющимся врачом. С 1896 занималась частной практикой в Севастополе, специалист по женским болезням, работала в амбулаторной лечебнице для бедных больных, школьным врачом 2-го женского одноклассного училища, член Крымского общества борьбы с туберкулезом. На 1924 врач 1-й Центральной амбулатории в Севастополе.
- ⁶⁹ **Натанзон Анисим Павлович (Фавелевич)** (1852-?). В 1878 окончил медицинский факультет, с 1886 работал в Севастополе врачом городской больницы, женской казенной гимназии, технического железнодорожного училища. Коллежский советник. Избирался товарищем председателя и председателем общества севастопольских врачей, товарищем председателя амбулаторной лечебницы для бедных больных, членом правления общества борьбы с туберкулезом.
- ⁷⁰ В начале XX века в Севастополе работали три врача с фамилией Коген – Владимир Давидович, Матвей Давидович и Моисей Давидович.
- ⁷¹ **Шмидт Евгений Эдуардович** (31.01.1857-?). Доктор медицины, старший врач 29 экипажа и окулист ЧФ (05.01.1893), консультант военно-морского госпиталя (1894). В службе с 1880, статский советник (07.05.1897). Вице-председатель Севастопольского общества врачей, председатель санитарного отдела Императорского Русского Технического общества (1896). Директор приюта сирот-мальчиков. Заведующий амбулаторной лечебницей для бедных (1910), пожизненный почетный член Севастопольского городского попечительства детских приютов ведомства учреждений императрицы Марии. Издатель «Севастопольской газеты» (1906), владелец грязелечебницы близ Херсонеса.
- ⁷² **Ратнер Моисей Григорьевич** (31.05.1862-19.10.1930), лекарем с 1887, вольнопрактикующий врач Севастопольского градоначальства, на службе с 03.03.1899, коллежский советник. С 1899 врач и преподаватель медицины Школы судовых механиков торгового флота. С 1902 заведовал первым зубо-врачебным кабинетом для нижних чинов 1 бригады 13 пехотной дивизии; зубной врач Севастопольской мужской гимназии (с 16.09.1904), врач казенной женской гимназии. Член-учредитель медицинского общества, в 1893-1913 секретарь и казначей общества врачей Севастополя. В 1-ю мировую войну старший врач госпитального судна «Экватор» Черноморского флота. В годы гражданской войны старший врач города, врач городской тюрьмы. Оказывал помощь подпольщикам. В 1920 был членом совещательной комиссии при заведующем Севастопольским горздравотделом, работал в отделе охраны материнства и детства Горздравотдела. На 1923 председатель школьного санитарного Совета. В 1928 – главврач курсов медсестер при союзе «Медикосантруд». Умер в Севастополе, похоронен на городском кладбище (ул. Пожарова), памятник сохранился.

- ⁷³ Вероятно, имеется в виду Цвибак Яков Михайлович (Янкель Менделевич), известный в городе зубной врач.
- ⁷⁴ **Флеров Леонид Александрович** (1870-03.12.1917), член партии социалистов-революционеров. В 1895 окончил медицинский факультет Петербургского университета, хирург, работал врачом в Марининской больнице. С 1900 врач севастопольской городской больницы, вольнопрактикующий врач, член правления Крымского общества борьбы с туберкулезом (02.1903), вице председатель Общества врачей Севастополя (1906), член Комитета Севастопольской общественной библиотеки (12.1911), участник Первой мировой войны, умер в Москве.
- ⁷⁵ **Эфрон Раиса Израилевна** (1875- ?), женщина-врач, получила диплом лекаря в 1904. В 1908-1917 вольнопрактикующий врач в Севастополе, специалист по женским болезням. На 1924 врач здравпункта в Севастополе.
- ⁷⁶ Первое общее собрание севастопольского общества борьбы с туберкулезом прошло 25.02.1903, на нем было избрано правление: председатель контр-адмирал А.М. Спицкий, товарищ председателя д-р С.А. Никонов, секретарь д-р Д.А. Гохбаум и казначей А.К. Шапошников.
- ⁷⁷ **Королев Евгений Семенович** (22.02.1865-03.1928), действительный статский советник. Лекарь с 1889, на службе в Морском ведомстве с 1890. На 1903 старший врач 11 флотского экипажа в Либаве. Участник русско-японской войны. С 13.08.1905 старший врач 17 экипажа. С 11.1912 окулист Черноморского флота. В гражданскую войну в белом ЧФ, с 06.1919 кунсультант-окулист Севастопольского Морского госпиталя. Умер в Севастополе, похоронен на городском кладбище (ул. Пожарова).
- ⁷⁸ **Свечников Иосиф Николаевич** (23.05.1875–1853), доктор медицины, почетный лейб-медик Двора Его Императорского Величества (12.1913), статский советник. В службе с 1893, участник подавления восстания в Китае и русско-японской войны. С 09.1908 старший врач Черноморского флотского экипажа. В 1-ю Мировую войну старший врач Морского Кадетского корпуса. В 03.1917 избран членом временного офицерского Исполкома и членом Севастопольского Центрального Военно-исполнительного комитета. В 01.1918 помощник санитарного врача Севастопольского порта и главного доктора Севастопольского военно-морского госпиталя. В гражданскую войну в белом Черноморском флоте, с 06.1919 помощник санитарного инспектора порта и главного доктора госпиталя. После войны работал в органах здравоохранения Севастополя. Заслуженный врач РСФСР. Умер в Севастополе, похоронен на городском кладбище (ул. Пожарова).
- ⁷⁹ **Бларамберг-Чернова Вильгельмина (Мина) Карловна** (31.01.1845–13.08.1909), урожденная баронесса Врангель; училась пению в Брюсселе у Луизы Эритт-Виардо, дочери известной Полины Виардо. С 1867 замужем за композитором, музыкальным педагогом и общественным деятелем П.И. Бларамбергом (1841-1907). Публично стала выступать с 1876; под фамилией Павловой пела в опере, устраивала в разных городах концерты, пропагандируя произведения новой русской школы и своего мужа. Пение её отличалось мастерством дикции и фразировки. Болезнь дыхательных органов заставила Мину Карловну перейти на драматическую сцену (сначала в провинции, а затем в московском Малом театре), где она с успехом выступала под фамилией Б.-Ч. до 1898. Была известна в социал-демократических кругах под псевдонимом «Миша». Похоронена рядом с мужем на семейном кладбище на горе Телеграфной близ имения мужа в деревне Чоргунь.
- ⁸⁰ **Чухнин Григорий Павлович** (1848–29.06.1906), вице-адмирал, с 06.05.1904 Главный командир Черноморского флота и портов. После расправы над участниками но-

ябрьского вооруженного восстания приговорен ЦК партии эсеров к смертной казни. Ранен при первом покушении 27.01.1906. Смертельно ранен 28.06.1906 в летней резиденции командующего флотом в бухте Голландия матросом Ф. Акимовым. Похоронен в нижнем храме Адмиралтейского Владимирского собора в Севастополе.

⁸¹ Сведений нет.

⁸² Эта часть воспоминаний не совсем верно отражает происходившие в Севастополе события октября-ноября 1905 года. 18 октября, после опубликовании закона 17 октября «Об усовершенствовании государственного порядка» произошло столкновение у тюрьмы – была расстреляна мирная демонстрация. В этот же день начались забастовки, закрылись торговые и промышленные заведения. 19 октября на стихийном митинге, прошедшем на Приморском бульваре, открытым голосованием был избран Совет народных представителей (в воспоминаниях – народные депутаты), организована народная охрана (милиция), которую возглавили Мельников, Емельянов и Берлин. 21 октября утром толпа (как написано в газете – хулиганов), собралась на базаре с целью устроить еврейский погром. Но все старания толпы были блокированы действиями милиции. И хотя вице-адмирал Чухнин и подписал 23 октября приказ о введении в действие инструкции по охране порядка в Севастополе непосредственно войсками, но исходя из обстановки, сложившейся в Севастополе и на флоте, ненадежности флотских и армейских частей, находившихся в городе, он отдал приказ о запрещении стрелять по манифестантам. О чем командующий флотом 11 ноября и доложил морскому министру. Поэтому до 11 ноября спокойно и открыто проходили народные собрания и собрания представителей.

⁸³ С 08.07.1902 по 10.11.1905 Севастопольским градоначальником был контр-адмирал Спицкий Александр Макарович (1846-01.03.1911). Снят с должности за нерешительность в применении силы во время событий октября 1905 в Севастополе, когда город в течение трёх дней находился под управлением Городской думы. Уволен в отставку 23.01.1906 с производством в вице-адмиралы.

⁸⁴ **Сафонова Александра Николаевна**, член Комитета Севастопольской общественной библиотеки, председатель Севастопольского благотворительного общества, председатель правления Ксенинского общества севастопольских яслей, дочь контр-адмирала Н. Паца, жена контр-адмирала Сафонова В.С.

⁸⁵ Вероятно, этот список так и не был составлен А.С. Бальзам.

⁸⁶ В качестве иллюстрации использованы фотографии М.П. Дмитриева (1858-1948) сделанные в голодные 1891-1892 годы в деревнях Нижегородской губернии и отражающие картину, типичную для всех губерний Поволжья.

⁸⁷ **Бухштаб Михаил Абрамович** (1855-?), ялтинский купец 1-й гильдии, выпускник Дрезденского политехнического института, по политическим взглядам был близок к народникам, занимался благотворительной деятельностью. Имел хутор в окрестностях Севастополя. В 1913 г. владелицей хутора в Симферопольском уезде указана жена купца Леонтина Ивановна Бухштаб].

⁸⁸ **Бечко-Друзин Владимир Владимирович**, коллежский регистратор, земский начальник 6-го участка Тетюшского уезда Казанской губернии.

⁸⁹ **Болончук (Баланчук) Юлия Самойловна**. Отец – Болончук Самойло Никитович (?-02.12.1888) из крестьян Подольской губернии Могилевского уезда, мать – Анна Константиновна Болончук. Брат – Б. Александр Самойлович, помощник бухгалтера 2-го разряда Отделения Государственного банка Его жена Б. Евгения Васильевна – учительница 1-классного восьмиклассного Алексеевского училища.

⁹⁰ **Гахова Марья Георгиевна** (1874, Варшава – после 1931), в 1931 – счетовод Сев-

диспансера. Арестована 11.09.1931 Севастопольским ГО ПП ОГПУ Крыма, ст. 7-35 УК РСФСР: социально-опасный элемент; 20.09.1931 Тройкой ПП ОГПУ по Крыму выслана из Крыма.

⁹¹ Сведений нет.

⁹² Титулярный советник **Белькович Владимир Николаевич** был земским начальником 5-го участка Цивильского уезда Казанской губернии.

⁹³ **Конради Владимир Владимирович**, коллежский секретарь, член Губернской земской управы, брат известного инженера-гидротехника Андрея Владимировича Конради.

⁹⁴ Правильно – **Макухина Наталья Егоровна**, урожденная Колонтаева (1853-20.03.1900), художница-портретистка, академик живописи, жена участника обороны Севастополя 1854-1855 гг. контр-адмирала Н.П. Макухина (1822-1892), бывшего в 1877-1885 гг. помощником начальника Севастопольского порта. В доме Макухиных, находясь в 1879 г. в Севастополе с концертами, бывал композитор М.П. Мусоргский. Наталья Егоровна воспитывала за свой счет 10 сирот. В 1887 предлагала предоставить в распоряжение Севастопольского общества дешевых столовых и устройства приюта для сирот-мальчиков свои хутора у Инкермана и у Балаклавской долины, где планировалось устройство сельскохозяйственной школы или других учреждений для занятий сирот-мальчиков. В 19001 завещала городу 4000 рублей на создание приюта имени контр-адмирала Макухина. Так как самостоятельного приюта на эти деньги создать не представлялось возможным, средства были переданы севастопольскому приюту для сирот-мальчиков. Ею же были подарены городу картины, гравюры и другие произведения для «художественной общественной школы». Похоронена на военном кладбище Северной стороны, захоронение не сохранилось.

⁹⁵ **Данилова Елизавета Петровна**, казначей правления Крымского общества борьбы с туберкулезом, заведующая Лименским лечебным пансионом в память А.П. Чехова на 22 больных. Врачом пансиона был доктор Александр Васильевич Кротков.

⁹⁶ **Гохбаум Дмитрий Авраамович** (1867-?), лекарь с 1897, в 1900-1902 – вольнопрактикующий врач в Одессе, в 1903-1906 – вольнопрактикующий врач в Севастополе. 28.03.1903 на организационном собрании Севастопольского общества борьбы с туберкулезом избран членом правления и секретарем общества. В 1907 переехал в Алушту.

⁹⁷ **Никонов Сергей Андреевич** (26.02.1864-09.01.1942), революционер-народоволец, впоследствии член партии эсеров, общественный деятель, врач. Родился в семье адмирала А.И. Никонова. В 1882 окончил гимназию в Симферополе, поступил на математическое отделение физико-математического факультета Петербургского университета. В 1885, решив стать врачом, перевелся в Императорскую Военно-медицинскую академию. В 1885 вступил в партию «Народная Воля», вел пропагандистскую работу в кружках студентов, гимназистов и военных. В 1886-1887 вместе с А.И. Ульяновым, участвовал в подготовке покушения на Александра III. В январе 1887 арестован по делу о пропаганде среди юнкеров Павловского училища, но через одиннадцать месяцев тюремного заключения выпущен по болезни на поруки отца и в мае 1888 выслан административным порядком в Сибирь (Минусинск) на четыре года. За ним в Сибирь последовала и его жена Нина Васильевна. В 1892-1897 учился на медицинском факультете Парижского университета. После возвращения в Россию примкнул к эсеровскому движению, возглавив в 1902 Севастопольский комитет партии социалистов-революционеров. С 1904 неоднократно вместе с женой высылался в Архангельскую губернию. В 1917 проживал в Оренбурге, где отбывал четвертую ад-

министративную ссылку. После Февральской революции возвратился в Севастополь, активно участвовал в общественной и политической жизни: был комиссаром Временного правительства России по Севастополю, городским головой, участвовал в заседании Учредительного Собрания (05.01.1918), занимал пост министра просвещения и культов в Таврическом краевом правительстве (1918). В 1921-1925 неоднократно подвергался арестам и преследованиям за принадлежность к партии социалистов-революционеров, несмотря на заступничество Анны Ильиничны Ульяновой-Елизаровой. Высланный в сентябре 1925 из Крыма с запретом проживания в столицах и пограничных районах, поселился с женой в Загорске (ныне – Сергиев Посад), работал заведующим хирургическим отделением в бывшей губернской земской больнице. В 1927-1930 Никоновы жили со старшим сыном в с. Петриковка близ Днепропетровска, затем получили разрешение вернуться в Севастополь. В 1940, по настоянию младшего сына Бориса, переехали к нему в Ленинград, где скончались оба во время блокады. Автор воспоминаний (см. Никонов С.А. Мои воспоминания. Из революционной борьбы и культурно-общественной деятельности. В 3 т. Т. 1. 1864-1904. – М., 2018. – 665 с.)

⁹⁸ **Губарев Николай Михайлович** (18.12.1853–19.12.1919), действительный статский советник (04.1911). Окончил Военно-медицинскую академию в 1878 с зачислением на службу в Морское ведомство. Участник русско-турецкой войны 1877-1878. С 09.1908 помощник главного доктора Севастопольского морского госпиталя и санитарного инспектора Севастопольского порта. Врач, практикующий по внутренним и детским болезням, врач частной женской гимназии А.А. Ахновской. С 1905 неоднократно избирался гласным Севастопольской городской думы, вел большую общественную работу: зам. председателя врачебно-санитарного совета при Городской управе, член севастопольского местного управления Российского общества Красного Креста, член Севастопольской общины сестер милосердия Красного Креста, председатель правления Крымского общества борьбы с туберкулезом. С 04.1917 исполнял обязанности главного доктора Морского госпиталя и санитарного инспектора Севастопольского порта. В 01.1918 уволился по болезни. Умер в Севастополе, похоронен на городском кладбище (ул. Пожарова), памятник сохранился.

⁹⁹ **Николаева Елена Леонидовна** (1869-?), лекарь, окончила курс в 1903, земский врач д. Дуванкой Симферопольского уезда Таврической губернии.

¹⁰⁰ **Бялыницкий-Бируля Осип (Иосиф) Андреевич**, врач, коллежский советник, гласный Севастопольской городской думы, член: Крымского общества борьбы с туберкулезом, ревизионной комиссии Алькадарского потребительного общества при имении Ф.О. Штала, наблюдательной комиссии Общества взаимного страхования от огня имуществ в г. Севастополе, Комитета Севастопольской общественной (городской) библиотеки.

¹⁰¹ Вероятно, **Сосновская Пелагея Юлиановна (Геннадиевна)**, вдова генерал-майора, в 1905 член бюро «Союза свободы, правды и миролюбия».

¹⁰² **Зернова Виктория Петровна** (1870-1965), член Совета Бесплатной народной библиотеки-читальни. Жена гидробиолога С.А. Зернова, бывшего в 1901-1913 заведующим Севастопольской биологической станцией. Похоронена с мужем в Санкт-Петербурге на Волковском православном кладбище (Литераторские Мостки).

¹⁰³ Вероятно, имеется в виду **Флерова Антонина Васильевна**, член Крымского общества борьбы с туберкулезом, Общества врачей г. Севастополя, член Комитета Севастопольской Общественной (городской) библиотеки и Совета Общества Севастопольской бесплатной народной библиотеки-читальни, член правления Ксенинского

- общества севастопольских яслей. Кроме того, согласно Адрес-календарю Севастопольского градоначальства на 1911 год, в городе проживала Флерова Дина Лазаревна (1877-?), урожденная Канторович, лекарь с 1904 (в 1914 она упоминается как Канторович Анна Лазаревна). Все Флеровы проживали по адресу: ул. Б. Морская, д. 22.
- ¹⁰⁴ **Грушецкий Всеволод Васильевич** (1848-?), статский советник в отставке, владелец виноградника и сада в Симферопольском уезде, принёс в дар Крымскому обществу борьбы с туберкулезом 2 десятины земли на Новой земле (быв. поселок Грушевка, район современной ул. Репина).
- ¹⁰⁵ **Шмидт Евгений Эдуардович** (31.01.1857-?), доктор медицины (с 1879), статский советник, в службе с 1880, окулист Черноморского флота и старший врач 29 флотского экипажа. Председатель санитарного отдела Императорского Русского Технического общества (1896). В 1906 издатель «Севастопольской газеты». Директор приюта сирот-мальчиков. Заведующий амбулаторной лечебницей для бедных (1910), пожизненный почетный член Севастопольского городского попечительства детских приютов ведомства учреждений императрицы Марии. На своей даче у Песочной бухты организовал грязелечебницу. Лечебный сезон длился с начала июня до середины августа. Желаящие поселиться при лечебнице принимались на полный пансион. В грязелечебнице доктора Шмидта лечилась Анна Ахматова (1907), здесь же её навещал Н.С. Гумилёв.
- ¹⁰⁶ Вероятно – жена доктора **Екатеринина Михаила Алексеевича**. В 1914 – переселенческий врач с. Балахтон, Ачинского уезда, Енисейской губернии.
- ¹⁰⁷ **Конради Варвара Фердинандовна** (ок. 1860-1934), дочь севастопольского 1-й гильдии купца Фердинанда Осиповича Киста, происходившего из колонистов немецкой колонии Кроненталь в Крыму. Замужем за известным инженером-гидрологом А.В. Конради (1853-1898). Умерла и похоронена в Ленинграде.
- ¹⁰⁸ Правильно **Аршаулова Амалия Фердинандовна** (28.11.1863-19.06.1937), урожденная Кист, сестра В.Ф. Конради. После революции вместе с мужем, известным инженером и изобретателем в области дизелестроения В.П. Аршауловым (1859-1942), эмигрировали из России, проживали во Франции, похоронены на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.
- ¹⁰⁹ **Никонов Андрей Иванович** (03.09.1811-07.12.1891), адмирал, участник Крымской войны и обороны Севастополя 1854-1855, командир Севастопольского порта (1865-1868), градоначальник Севастополя, командир порта и комендант (09.04.1876-30.08.1882), председатель Главного военно-морского суда Российской империи (1891). Был женат на Софье Николаевне Кумани (24.07.1830-14.11.1889), дочери генерала флота Николая Михайловича Кумани.
- ¹¹⁰ **Ульянов Александр Ильич** (31.03.1866-08.05.1887), революционер-народоведец, студент естественного отделения физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета, один из организаторов и руководителей террористической фракции «Народной воли», старший брат Владимира Ильича Ульянова (Ленина). Вместе с другими участниками покушения на императора Александра III, запланированного на 01.03.1887, был арестован и помещен в Политическую тюрьму Петропавловской крепости. Переведен в Шлиссельбургскую крепость, где казнён вместе с четырьмя другими организаторами покушения.
- ¹¹¹ **Максимов Алексей Андреевич** (22.09.1853-20.08.1908), купец 1-й гильдии, крупный строительный подрядчик, потомственный почетный гражданин, известный благотворитель, дважды избирался городским головой Севастополя (1901-1908).
- ¹¹² **Исакова Ольга Авксентьевна**, московская купчиха, неоднократно жертвовав-

шая средства для севастопольской городской больницы и больничной церкви. Новый хирургический павильон имени Михаила Авксентьевича Исакова был открыт 08.03.1902. на средства, пожертвованные О.А. Исаковой (50000 руб.) в память ее покойного брата. Двухэтажное здание построено по проекту городского архитектора А.М. Вейзена согласно заданию, разработанному старшим врачом С.А. Никоновым и доктором Л.А. Флеровым.

¹¹³ **Голиков Василий Тимофеевич** (1842-1900-е), Член организации «Земля и воля», член партии социалистов-революционеров. Неоднократно арестовывался и отбывал сроки наказания на каторге. В 1896-1903 проживал в Севастополе, в начале 1900-х приглашен С.А. Никоновым смотрителем в городскую больницу. Удален от должности вследствие политической неблагонадежности. В 1903 скрылся из Севастополя.

¹¹⁴ **Потапов Николай Иванович** (1875- ?), в 1903 получил диплом лекаря, приехал в Севастополь, где работал вольнопрактикующим врачом. С 1905 ординатор городской больницы в Либаве.

¹¹⁵ **Канторович Николай Лазаревич** (Натан Лейзерович) (1877-1921), фармацевт городской больницы. Член РСДРП с 1901-1902. Один из руководителей ноябрьского восстания 1905 г. в Севастополе, приговорен к смертной казни, замененной пожизненным заключением. Наказание отбывал в Шлиссельбургской крепости, освобожден после Февральской революции. В середине апреля 1917 вернулся в Севастополь, избран гласным Севастопольской городской думы, членом Совета и почетным председателем городской организации меньшевиков. Делегат 1 всероссийского съезда Советов. В 1918-1920 один из профсоюзных лидеров в Севастополе и Крыму. В мае 1920 по состоянию здоровья ушел с поста председателя исполнительного комитета профессиональных союзов в Севастополе. 28.09.1920 решением Главнокомандующего Русской армии выслан в Грузию. Активный противник Советской власти, арестован в Севастополе 03.04.1921, в июле того же года приговорен к высылке из города. Умер в Севастополе в 1921.

¹¹⁶ **Мертваго Константин Павлович** (1855-1914), статский советник (1897), в 1879 окончил медико-хирургическую академию с назначением младшим врачом 50 пехотного Белостокского полка, в 1883 вышел в отставку, ст. врач горбольницы (1886-1897 и 1903-1905), ст. ординатор общества Красного Креста, врач Константиновского реального училища. Общественный деятель – многократно избирался гласным городской думы, городской голова Севастополя (1897-1901), с 1909 член городской управы и заступающий место городского головы (заместитель). Похоронен на городском кладбище (ул. Пожарова), склеп сохранился.

¹¹⁷ **Шульц Абрам Соломонович** – фельдшер Севастопольской городской больницы.

¹¹⁸ **Константинов Семен Николаевич** – фельдшер Севастопольской городской больницы.

¹¹⁹ **Ходус** – вероятно, фельдшер городской больницы.

¹²⁰ **Ушаков Петр Николаевич**, надворный советник, преподаватель Казённой мужской гимназии и Казённой женской гимназии.

¹²¹ В настоящее время – Средняя общеобразовательная школа № 3.

¹²² Имение Бурлюк на р. Алме в Симферопольском уезде принадлежало Софии Константиновне Беловодской (урожд. Анастасьевой) (1830–1906), участнице народолюбивого движения.

¹²³ Написаны воспоминания [в] 1925 г. [Примечание А.С. Бальзам].

Содержание

<i>Малиновская О.И. А.С.</i> Бальзам и её воспоминания.....	5
Мои воспоминания.....	7
Комментарии.....	82

В оформлении обложки использована
дореволюционная видовая открытка
с изображением Большой Морской улицы.
На форзацах – страницы Адрес-календаря
Севастопольского градоначальства на 1913 год.

Бальзам Александра Спиридоновна

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ

Издательство «Перо»
109052, Москва, Нижегородская ул., д. 29-33, стр. 15, ком. 536
Тел.: (495) 973-72-28, 665-34-36
Ответственный за выпуск Трофимов И.Ю.
Верстка Жилинский С.В.
Отпечатано в типографии «ГрандИнвест»
299011, Б.Морская 21, а/я145
Подписано в печать 18.10.2018. Формат 60x84¹/₁₆
Печать офсетная. Усл. печ. л. 4,75. Тираж 1000 экз. Заказ № 665

КЕШЬ Алд. Карл., торговый отдѣлъ: длпр. конторы рынка ОДЕНЦОВЪ Вас. Алд., завѣд. справоч. стол. ЛУИЦКІЙ Ефим. Ив., артельщ. СКОРИКОВЪ Алс. Степ., строительн. и техн. отд.: длпр. ФИГУРОВЪ Влад. Евграф., инж. ГОЛОВЕНКО Фед. Марк., архит. ЧИСТОВЪ Влад. Алд., техникъ ВЕРБИЦКІЙ Матв. Ив., штейгеръ ГОРЛОВЪ Гурій Ант., чертежн. ДИММЕРТЪ Ив. Никл., завѣд. воинск. квартир. повин. МАЛИГОНОВЪ Алд. Пав., завѣд. воинск. помѣщ. ПЕТРЕНКО Дм. Ив., брендм. пож. команд. КРУТИКОВЪ Георг. Парфен., садовн. ФЕЙМАНЪ Алд. Фед., ветерин. вр. ДЕРМЕНДЖІЕВЪ Гавр. Юрьев., вр. Корабельн. ст. МАКАРЕНКО Влад. Никл.

ВРАЧЕБНО-САНИТАРНЫЙ СОВѢТЪ ПРИ ГОРОДСКОЙ УПРАВѢ.

Санит. контора, базарь, Нов. город. корп., тлѣ. 26.

Предс. город. гол. ЕРГОПУЛО Никл. Фед., замѣст. его вр. д. с. с. ГУБАРЕВЪ Никл. Мих., члены: с. с. МЕРТВАГО Конст. Павл., д. с. с. БЕРЕЗИНЪ Ник. Григ., вр. к. с. БЯЛЫНИЦКІЙ-БИРУЛЯ Іос. Андр., вр. КОПЫЛОВЪ Як. Мих., докт. мед. к. с. ПАЛИМПСЕСТОВЪ Борис. Пет., вр. ДУНАЕВСКІЙ Дав. Павл., стар. вр. градонач. с. с. ВОБЛЫЙ Мих. Вас., ЛИБИХЪ Фед. Фед., вр. ШУЛЕЙКО Борис. Родіон., вр. ДУРАСОВЪ Серг. Петр., вр. ТЕРЬЯКИ Исаакъ Аполл., вр. КОГАНЪ Лазарь Натанов., вр. МАКАРЕНКО Вас. Никл., ветерин. вр. к. а. ДЕРМЕНДЖІЕВЪ Гавр. Юрьев., город. архит. ЧИСТОВЪ Владим. Алд., инж. ГОЛОВЕНКО Фед. Марк., куп. КЮБЛЕРЪ Андрей Ив., пот. поч. гражд. ГАВАЛОВЪ Сем. Христоф., куп. ГАВРИЛОВЪ Никл. Конст., от. ген.-м. ЛЕСКЕВИЧЪ Пав. Дм., ген.-м. ПУЗЫРЕВСКІЙ Нил. Алс.

ГОРОДСКАЯ БОЛЬНИЦА.

Херсонес., 21, тлѣ. 113.

Старш. вр. ЛИБИХЪ Фед. Фед., ординаторы: вр. ШУЛЕЙКО Борис. Родіон., вр. ДУРАСОВЪ Серг. Петр., вр. интернъ ТЕРЬЯКИ Исаак. Аполлон.

ВРАЧИ КОНСУЛЬТАТЫ.

ПАЛИМПСЕСТОВЪ Борис. Петр., КОПЫЛОВЪ Як. Мих., ДУНАЕВСКІЙ Давидъ Павл., управ. аптекой ОРЛОВЪ Дм. Парфенов., пом. его БАККАЛЬ Рахиль Лазар., смотритель САМСОНОВЪ Алд. Павл., пом. его СИДОРОВЪ Емельянъ Филип., длпр. БЕНТКОВСКАЯ Эмилія Андр.

ПОПЕЧИТЕЛИ ГОРОДСКОЙ БОЛЬНИЦЫ.

ЧАВОВСКІЙ Ант. Пав., ЛЕСКЕВИЧЪ Пав. Дм., ИВАНОВЪ Никл. Никл., МЛИНАРИЧЪ Алс. Іос., УКЛОНСКІЙ Сем. Сем. КЛЕНШЪ Генр. Генр., ГУБАРЕВЪ Никл. Мих., БЯЛЫНИЦКІЙ-БИРУЛЯ Іос. Анд., БЕРЕЗИНЪ Никл. Григ.

ПРАВЛЕНІЕ ГОРОДСКОЙ БОЛЬНИЦЫ.

Предсѣд. правл. ЛИБИХЪ Фед. Фед., члены: КЮБЛЕРЪ Андр. Ив., ШУЛЕЙКО Борис. Родіон., ДУРАСОВЪ Серг. Петр., САМСОНОВЪ Алд. Павл.

Ф Е Л ь Д Ш Е Р А :

КОНСТАНТИНОВЪ Сем. Никл., КОСЕРАДСКІЙ Владим. Станисл., КОНОНЕНКО Петр. Сем.

Ф Е Л ь Д Ш Е Р И Ц ы .

СУВОРОВА Сераф. Логин., НЕКРАСОВА Евдок. Фед., МАХРОВА Екатер. Алс., НИКОЛЬСКАЯ Варвара Петр., ЛЕЙБЕНСОНЪ Софья Солом.

Костелянша БУЯЛЬСКАЯ Сераф. Зинов.

ГОРОДСКОЕ ПО ВОИНСКОЙ ПОВИННОСТИ ПРИСУТСТВІЕ.

Б.-Морск., 51, тлф. 108.

Предс. город. гол. ЕРГОПУЛО Никл. Фед., члены: кап. ШЕСТУНОВЪ Алс. Аким., ДАРИЕНКО Ив. Фед., пот. поч. гр. КЕФЕЛИ Иссак. Симов., пом. полиим. к. р. СУХОРЪПОВЪ Анд. Макар., стар. вр. град. с. с. ВОБЛЫЙ Мих. Вас., вр. т. с. МАЧАВАРИАНИ Сем. Таріел., длпр. к: р. БУТКОВСКІЙ Франц. Христоф.

СИРОТСКІЙ СУДЪ.

Ремес. 45.

Предс. д. с. с. ВЕРЕЗИНЪ Никл. Григ., товарищ. предсѣд. ЭНГЛЕЗИ Вас. Конст., члены: БЕБЕШЪ Эзра Сем., КОСТА Никл. Афан., СИМОНОВЪ Конст. Матв., МОРОЗОВЪ Мих. Данил., ЯКОВЛЕВЪ Мих. Вас., Столонач. ГУРОВЪ Мих. Пав.

КУПЕЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО.

Торговая 7.

Старос. ЭНГЛЕЗИ Вас. Конст., товар. старос. ГИДАЛЕВИЧЪ Аронъ Яков.,

МЪЩАНСКАЯ УПРАВА.

Базарн. 6.

Мѣщ. старос. ПАНИНЪ Анд. Никл., старос. по денеж. сбор.: ГРИБКОВЪ Юс. Прок., КОНСТАНТИНОВЪ Спир. Никл., оцѣнщ.: ИВАНОВЪ Фед. Кузм., ШЕВЦОВЪ Ив. Петр.

Центральная станція трамвая и примѣненія электиречства Анонимнаго Бельгійскаго Общества.

Лабораторная площадь, 2, тлф. 165.

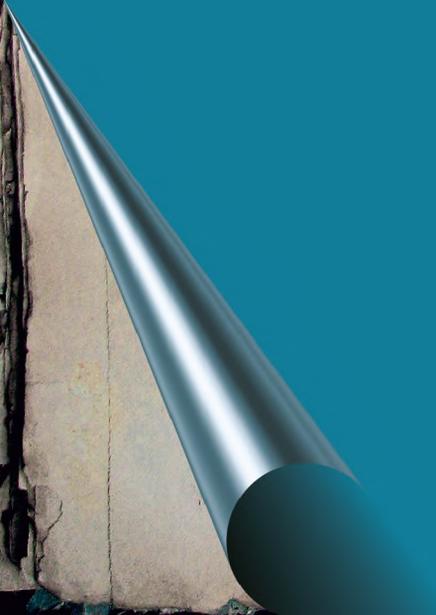
Управляющій инженеръ ШТРАУСЪ Фед. Фед., помощн. инжен. ХОНДЗЫНСКІЙ Алд. Юс., завѣдывающій инсталляціей, электротехн. КЛЕЙНБЕРГЪ Карлъ Христ., бухгалтеръ МИРОНЕНКО Мих. Ив., помощникъ бухгалтера РУДАКОВЪ Алс. Алд., магазинеръ ВОЛКОВСКІЙ Мстисл. Вас., кассиръ ГЕТЬМАНЪ Вас. Петр., помощн. кассира ШАКОТЬКО Юс. Григ., завѣд. движеніемъ ЛОГВИНЕНКО Юс. Ефтих.

ГОРОДСКАЯ ВОДОКАЧКА,—станц. «Инкерманъ», тлф. 119.

Завѣд. ГОЛОВЕНКО Фед. Марк.

ГОРОДСКАЯ СКОТОБОЙНЯ,—Загородн. бал., тлф. 228.

Смотр. ВИДЕЙКО Ив. Ив.

Бальзам А. Мои воспоминания